

18+

«Координаты правды» — ложь
в политике и медиа:
от морального приговора
к эпистемической картографии

монография

Максим Привезенцев

Максим Привезенцев
«Координаты правды» –
ложь в политике и медиа:
от морального приговора
к эпистемической
картографии. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73871823
ISBN 9785006979437

Аннотация

Почему разоблачение лжи не останавливает ложь? Потому что обвинение воспроизводит ту же логику, которую пытается опровергнуть. Эта монография предлагает сдвиг: вместо морального суда – картография координат источника. Где он в пространстве объективности? Какие зависимости определяют его фреймы? Опираясь на Арендт, Мангейма, Харауэй и Хабермаса и развивая концепцию Метафизики удержания, книга строит новую парадигму – где вместо «лжи» на первый план выходят координаты и честная ангажированность.

Содержание

МОНОГРАФИЯ

6

Конец ознакомительного фрагмента.

120

**«Координаты правды» –
ложь в политике и медиа:
от морального приговора
к эпистемической
картографии
Монография**

Максим Привезенцев

© Максим Привезенцев, 2026

ISBN 978-5-0069-7943-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**«Координаты правды» – Ложь в политике и медиа:
от морального приговора к эпистемической картогра-
фии**

В оптике концепции Метафизики удержания

МОНОГРАФИЯ

Исходная проблема

Публичный дискурс о лжи в журналистике и политике исчерпан. Он воспроизводит один и тот же жест: обвинение, разоблачение, контробвинение – и круг замыкается без содержательного результата. Каждая сторона спора апеллирует ко лжи оппонента, отвлекаясь от сути обсуждаемого вопроса. Это не случайная культурная патология – это структурный эффект природы позиционированного знания, мотивированного мышления и системных механизмов медиапроизводства.

Ханна Арендт первой сформулировала онтологический статус этой ситуации: ложь не проникла в политику «по случайности человеческой греховности» – она органична для пространства, где *contingent facts* являются основным материалом, а фактическая истина никогда не обладает компеллентной принудительностью. Карл Мангейм добавил социологическое измерение: знание всегда реляционально и производится из конкретной социальной позиции. Донна Харауэй завершила этот теоретический горизонт: «только частичная перспектива обещает объективное видение» – то есть претензия на нейтральность хуже осознанной ангажированности.

Если ложь онтологически неустранима, а объективность

невозможна как «взгляд ниоткуда», то продуктивный вопрос смещается: не «лжёт ли этот агент?», а «каковы координаты его позиции, и в каких тематических зонах его анализ заслуживает доверия?»

Центральный тезис

Монография обосновывает переход от **морально-этической категории лжи** к **эпистемической картографии объективности** – инструментарию, позволяющему описывать позицию журналиста или политика через верифицируемые координаты: экономическую зависимость, политическую аффилиацию, идеологический фрейм и тематические зоны структурной ограниченности. Дискуссия возможна только в рамках этих координат – только в тематических зонах, не табуированных выявленной зависимостью агента.

Метафизика удержания как концептуальная оптика

Этот тезис находит своё полное философское обоснование в **концепции Метафизики удержания** (М. Привезенцев). Метафизика удержания – это онтология, переносящая центр тяжести с вопроса «что существует?» на вопрос «что и как удерживается?» в состоянии напряжённого промежутка, не доводимого до окончательного решения или забвения.

Ложь в дискурсе – это **преждевременное закрытие промежутка**: навязывание окончательного суждения там, где оно ещё не заработано. Борьба со «ложью» посредством разоблачения лжи воспроизводит ту же самую принудитель-

ную логику – симметричного захлопывания. Метафизика удержания предлагает иное: **удерживать промежуток открытым** – не отрицать ангажированность, а картографировать её, создавая пространство, в котором содержательный диалог остаётся возможным.

Если диалектика обещает истину в синтезе противоположностей, то концепция удержания помещает истину в «контур колебания» – в живое напряжение между полюсами, которое не закрывается победой ни одной из сторон. Координаты объективности – это и есть картография этого контура: они описывают не то, кто прав, а **как именно устроено поле напряжения** между позициями.

Глава 1. Онтология лжи в политике: от Макиавелли до Арентс

§1.1. Классическая традиция: ложь как политический инструмент

Монография «Ложь в журналистике и политике: от моральной категории к картографии объективности» (в оптике Метафизики удержания)

Западная философская традиция не выработала единого ответа на вопрос о допустимости лжи в политике. Это само по себе симптоматично: на протяжении двух с половиной тысяч лет мысль возвращается к одной и той же точке напряжения – между политической необходимостью и мораль-

ной нормой – и не может её разрешить. Что именно означает эта неразрешимость, и почему она важна для понимания современного медийного и политического дискурса – таков вопрос, с которого начинается настоящее исследование. Ответ, к которому оно движется, состоит в следующем: неразрешимость не является дефектом теоретической мысли, который будет когда-нибудь преодолен. Она является **структурной характеристикой самого политического пространства** – и именно поэтому попытки свести дискуссию к разоблачению лжецов заведомо обречены на воспроизводство той самой проблемы, которую они претендуют решить.

Платон: «благородная ложь» как конститутивный элемент полиса

Начало этой традиции положено одним из самых радикальных и неудобных пассажей западной политической философии. В третьей книге «Государства» Платон вкладывает в уста Сократа предложение, которое поколениями смущало комментаторов: правители идеального полиса должны рассказывать гражданам «благородную ложь» – *gennaion pseudos* – о происхождении людей. Согласно этому мифу, все граждане рождены не от человеческих родителей, но выращены землёй как общей матерью; однако в их душах намешано разное количество металлов – золото у правителей, серебро у воинов, железо и бронза у ремесленников и земледельцев. Этот миф призван обеспечить принятие гражданами своего места в иерархии полиса как природной, а не про-

извольной данности.

Интерпретации этого пассажа расходятся, однако в нескольких отношениях текст недвусмыслен. Во-первых, «благородная ложь» не является инструментом обмана низших классов правителями – Платон предполагает, что **сами правители тоже должны быть воспитаны в этом убеждении**, иначе оно не будет искренним. Это делает её не циничной манипуляцией сверху, а конститутивным мифом всей общности – ложью, которая производит сплочённость, делая граждан частью единого «тела» полиса. Во-вторых, Платон проводит важное разграничение между «истинной ложью» и «ложью в словах»: первая поселяет невежество в душе и абсолютно порочна; вторая – лишь «подражание этому состоянию» и при определённых условиях допустима. «Благородная ложь» – это ложь в словах, обслуживающая высшее благо полиса.

Эта конструкция имеет принципиальное следствие для политической философии: она устанавливает, что **основание общественного порядка не может быть целиком прозрачным для всех его участников**. Полис держится на нарративе, в который сами правители верят – или должны верить – наравне с остальными. Истина, которую философ-царь знает об устройстве мира, не является публично разделяемой основой политики: политика основана на мифе, в то время как истина – удел немногих. Именно это разграничение воспроизведёт в XX веке Лео Штраус, разработавший

доктрину **эзотерического письма**: истина сообщается посвящённым между строк, тогда как публичное высказывание несёт иное, управляемое послание для масс. Для Штрауса, как и для Платона, «добродетельность лжи зависит от того, кто лжёт» – элита, действующая из государственных соображений, вправе прибегать к управляемому нарративу.

Необходимо задержаться на принципиальной двусмысленности самой платоновской конструкции. Мифу о металлах предшествует у Платона другое разграничение: в «Государстве» (382b—c) Сократ указывает, что правители могут лгать врагам и собственным гражданам «ради блага государства». Это разрешение ограничено: ложь – привилегия тех, кто знает истину и несёт ответственность за целое. Но кто удостоверяет, что правитель действительно знает истину и действительно несёт ответственность за целое, а не прикрывает собственные интересы языком заботы о полисе? Этот вопрос – «Кто будет сторожить сторожей?» (Ювенал) – Платон ставит, но разрешает лишь через апелляцию к философской природе самих правителей. Круг не разомкнут. Именно в этом незамкнутом круге и живёт политическая ложь все последующие столетия.

Цицерон и Августин: напряжение между республиканской добродетелью и абсолютным запретом

Классическая римская традиция, представленная прежде всего Цицероном, унаследовала платоновскую проблему в контексте уже разрушающейся республики. «De

Officiis» («Об обязанностях», 44 до н. э.) – книга, написанная в последние месяцы жизни Цицерона, когда Республика агонизировала после убийства Цезаря, – ставит вопрос об отношении между тем, что почётно (*honestum*), и тем, что выгодно (*utile*). Для Цицерона *virtus* – совокупность мужества, моральной цельности и гражданской ответственности – есть высшая ценность политической жизни. Ложь несовместима с *virtus*: она разрушает *fides* – доверие, без которого республика невозможна.

Однако показательно, что сам Цицерон, по мнению ряда современных исследователей, применял в политической практике именно то, что осуждал в теории. «De Officiis» создавалось не как руководство для тирана, но как наставление сыну и, через него, широкому кругу образованных граждан – последняя попытка удержать моральный каркас *res publica* на фоне его распада. Напряжение между нормой и практикой, которое Цицерон переживал лично, стало первой документально зафиксированной коллизией между риторикой о честности и реальностью политической необходимости.

Принципиально иную позицию занял Августин Блаженный (354—430 н. э.), посвятивший проблеме лжи два специальных трактата – «De Mendacio» и «Contra Mendacium». Августин защищает **абсолютный запрет лжи**: всякая ложь отделяет человека от Истины, которая есть сам Бог, и тем самым является грехом независимо от последствий. Для Августина не существует «благородной лжи» в платоновском

смысле: ложь ради спасения невинного, ложь ради защиты веры, ложь ради государственного блага – все они одинаково порочны, поскольку ни одна цель не оправдывает разрыва между словом и мыслью. Этот тезис имел огромное влияние: определение лжи, принятое Катехизисом Католической Церкви, восходит непосредственно к Августину.

Вместе с тем исследователи указывают на парадокс: Августин, запрещающий ложь *de jure*, *de facto* санкционирует её в определённых контекстах через различие между публичным агентом государства как инструментом Бога и частным лицом. Анализ «De Mendacio» обнаруживает не догматическую непреклонность, а «поразительно исследовательский и недогматичный» характер рассуждения – Августин «с трудом приходит к выводу», который сам же считает неудобным. Абсолютный запрет оказывается не точкой покоя, а точкой максимального напряжения.

Макиавелли: ложь как техника власти и мастерство симуляции

Никколо Макиавелли сделал то, что ни один мыслитель до него не решался сделать в жанре политического трактата: он написал о политической лжи прямо, систематически и без апологетических оговорок. Восемнадцатая глава «Государя» (1513) – один из наиболее цитируемых и наиболее шокирующих текстов политической мысли:

«Мудрый государь не может и не должен соблюдать верность слову, когда такое соблюдение оборачивается против

него и когда исчезли причины, побудившие его дать слово... Опытный обманщик всегда найдёт людей, которые дадут себя обмануть».

Ещё более радикально звучит практическая максима, следующая из этого: государь должен быть *«великим притворщиком и лицемером»* – уметь не только прибегать ко лжи, когда это необходимо, но и **производить видимость добродетели**, не обладая ею на самом деле. Для Макиавелли нет нужды быть честным, справедливым, милосердным – достаточно *казаться* таковым. Люди «настолько просты и так подчинены насущным нуждам», что «тот, кто обманывает, всегда найдёт того, кто позволит себя обмануть».

Здесь важно правильно понять онтологический статус этого тезиса. Макиавелли не утверждает, что ложь прекрасна или морально нейтральна. Он констатирует эмпирически наблюдаемый факт – «опыт наших времён» показывает, что именно те государи «совершили великие дела», которые «мало считались с верностью слову». Это не нормативная концепция, это политическая феноменология: описание того, как устроена власть в реальном мире. Отсюда следует парадокс, который Макиавелли не разрешает, но обнажает: **нормы, предписывающие честность в политике, и практика, которая её отвергает, существуют в одном пространстве** – и именно это сосуществование производит ту «двойную запись», которая составляет сердцевину всякой политической риторики.

Отдельного внимания заслуживает тезис Мэри Диец (1986) о том, что «Государь» сам по себе является «актом политического обмана»: Макиавелли, убеждённый республиканец и противник Медичи, мог написать трактат, который выглядит как руководство для тирана, а на деле является текстом, провоцирующим тирана на поведение, ведущее к его неизбежному краху. Эта интерпретация – строго говоря, неverifiedируемая – тем не менее демонстрирует важнейшее качество политического текста о лжи: **он сам потенциально является ложью**. Теория политической лжи неизбежно инфицируется своим предметом.

Кант: абсолютный запрет как философский бунт против политического прагматизма

В 1797 году французский публицист Бенжамен Констан в памфлете «О политических реакциях» атаковал позицию, которую, по его словам, отстаивал «некий немецкий философ»: будто бы ложь убийцам, преследующим вашего друга, является преступлением. Кант незамедлительно ответил эссе «О предполагаемом праве лгать из человеколюбия» (1797), подтвердив именно ту позицию, которую Констан счёл абсурдной.

Аргумент Канта покоится на трёх формулировках категорического императива. Первая: максима лжи не может быть универсализирована, поскольку в мире, где ложь является всеобщим правилом, сама возможность доверять словам исчезает – и ложь становится бессмысленной, уничтожая соб-

ственную почву. Вторая: ложь нарушает достоинство человека, используя его как средство, а не как цель. Третья: ложь разрушает «источник права» – универсальную основу, делающую общественный договор возможным. Поэтому: «ложь всегда причиняет вред другому; если не какому-либо отдельному человеку, то человечеству вообще, поскольку она подрывает самый источник права».

Скандальность этой позиции – ложь нацистам, стукащимся в дверь, недопустима – породила почти трёхвековую полемику. Среди современных исследователей нет консенсуса: одни утверждают, что ни одна из трёх формул категорического императива не требует запрета лжи в абсолютном смысле, другие – что Кант в 1797 году воспроизвёл аргумент, который сам же в более ранних работах признал несостоятельным. Аллен Вуд характеризует эссе как «знаменитое (или печально известное)». Хелла Варден утверждает, что кантовская позиция систематически искажается интерпретаторами.

Для настоящего исследования, однако, важно не то, прав ли Кант в конечном счёте, а то, что именно он делает. Кант **принципиально отказывает политической необходимости в статусе морального исключения**. Там где Платон открывал пространство для «благородной лжи» через апелляцию к высшему благу полиса, там где Макиавелли легитимировал ложь через апелляцию к политической реальности, Кант закрывает это пространство: никакие послед-

ствия, никакая практическая необходимость, никакое «ради общего блага» не могут сделать ложь морально допустимой. Тем самым он создаёт философский противовес всей традиции «политического реализма» в этике и фиксирует противоречие, которое невозможно снять: **норма и практика политики несовместимы по самой своей природе.**

Ницше: ложь как условие жизни и *perspektivisches Sehen*

Фридрих Ницше осуществляет радикальный поворот, который переформатирует саму постановку вопроса. В раннем эссе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (1873) он устанавливает, что то, что люди называют «истиной», само является своеобразной «ложью» – упрощённой метафорой, утратившей память о своём происхождении: «что такое истина? Подвижная армия метафор, метонимий, антропоморфизмов... иллюзии, о которых забыто, что они иллюзии». Это не декларация нигилизма, а **эпистемологическое утверждение**: человек не имеет доступа к «вещам в себе», его познание является перспективным – то есть производится из конкретной точки, с конкретными интересами и конкретными ограничениями.

В «Антихристе» Ницше определяет ложь как «нежелание видеть то, что видишь». Это принципиально иная концепция лжи, нежели та, что предполагает сознательное искажение: ложь здесь – это прежде всего самообман, отказ от честного взгляда. В зрелой перспективистской позиции Ницше нет

ни релятивизма («всё одинаково истинно»), ни скептицизма («истина недостижима»): есть **утверждение, что знание всегда является перспективным**, и это не недостаток, который нужно преодолеть, а структурная характеристика самого познания. Более честна та перспектива, которая осознаёт собственную перспективность; менее честна та, что претендует на абсолютность.

Значение Ницше для темы данного исследования состоит в том, что он первым формулирует тезис, который в XX веке будут по-разному разрабатывать Мангейм, Харауэй и другие: **объективность недостижима как «взгляд ниоткуда»**, и претензия на такой взгляд является особым видом лжи – наиболее опасным, поскольку она неразличима для самого субъекта. Политический агент, убеждённый в абсолютной истинности своей позиции, лжёт глубже, чем тот, кто сознательно манипулирует фактами.

Итог: традиция без консенсуса и её значение

Обзор классической традиции позволяет зафиксировать устойчивую структуру, воспроизводящуюся на протяжении двух с половиной тысяч лет. Она состоит из трёх элементов, каждый из которых неустраним:

Первый элемент – признание функциональности лжи в политике. От платоновской «благородной лжи» до макиавеллиевской техники симуляции традиция фиксирует один и тот же эмпирический факт: политические сообщества основываются на нарративах, которые не могут быть

полностью верифицированы их членами, и политическое действие требует форм коммуникации, несводимых к обмену верифицированными суждениями. Это не патология конкретных режимов – это структурная черта политики как таковой.

Второй элемент – сохранение моральной нормы запрета лжи. От Цицерона до Канта традиция не отступает от тезиса, что ложь разрушает доверие, без которого общественная жизнь невозможна. Кантовский абсолютный запрет – крайнее выражение этой нормы, которая присутствует в разной степени интенсивности у всех мыслителей, включая Макиавелли: тот признаёт, что *выглядеть* честным необходимо именно потому, что люди ценят честность.

Третий элемент – неснимаемое напряжение между первым и вторым. Попытки разрешить это противоречие – через платоновскую теорию двух истин, через августиновское разграничение публичного и частного агента, через кантовский абсолютный запрет – каждый раз либо воспроизводят проблему на новом уровне, либо оставляют открытым вопрос о том, кто и как верифицирует, что конкретная ложь является «благородной» или «необходимой».

Именно это напряжение и является подлинным предметом настоящей монографии. Традиция не «не решила» проблему из-за теоретической недостаточности. Она воспроизводит её потому, что **противоречие является конститутивным для политического пространства**, а не привне-

сённым в него извне. Ханна Арендт будет права, когда скажет: «Правдивость никогда не входила в число политических добродетелей» – не потому что политики порочнее прочих людей, а потому что природа политического действия структурно несовместима с природой фактической истины.

Перед лицом этого вывода возникает ключевой вопрос, который направляет всё последующее исследование: если ложь в политике неустранима, если традиция не выработала консенсуса о её допустимости, если само требование «говорить правду» является риторическим оружием, симметрично используемым всеми сторонами – **что остаётся в качестве операционального инструмента для оценки высказываний политического агента?** Ответ на этот вопрос не может быть найден внутри традиции «этики честности» – он требует иного теоретического горизонта. Этим горизонтом является переход от моральной категории лжи к эпистемической картографии позиций, и именно к его разработке обращается следующий параграф.

§1.2. Ханна Арендт: «Правдивость никогда не была политической добродетелью»

Если классическая традиция описывала ложь в политике как напряжение между нормой и практикой – как проблему, которую следует разрешить, – то Ханна Арендт совершает решающий теоретический сдвиг: она устанавливает, что это напряжение **неустранимо по структурным, а не случай-**

ным причинам. Два эссе – «Truth and Politics» (1967, *The New Yorker*) и «Lying in Politics» (1971, написанное по материалам «Документов Пентагона») – образуют диптих, в котором проблема лжи переформулируется из этической в онтологическую. Политика лжёт не потому что политики аморальны. Политика лжёт потому что **природа политического действия и природа фактической истины структурно несовместимы.**

«Truth and Politics» (1967): фактическая истина как политически нежелательный объект

Отправная точка «Truth and Politics» – скандал, вызванный предшествующей книгой Арендт о Эйхмане, когда ряд фактических утверждений автора был встречен не контраргументами, а организованной кампанией дискредитации. Именно этот опыт заставляет её поставить вопрос: почему фактическая истина так плохо переносится политическим пространством?

Арендт проводит ключевое разграничение между двумя видами истины. **Рациональная истина** (математические аксиомы, философские суждения) внеисторична и необходима: она такова, какова она есть, независимо от обстоятельств. **Фактическая истина** – иная по своей природе: она касается событий и обстоятельств, в которых участвуют многие; она устанавливается свидетелями и зависит от свидетельств; она существует лишь постольку, поскольку о ней

говорят. Фактическая истина «политична по природе» – она рождается внутри политической сферы, а не приходит извне.

Именно из этой «политической природы» факта вытекает его уязвимость. Арендт формулирует один из своих ключевых тезисов: факты и события – в отличие от рациональных истин – суть *contingent facts*, случайные факты: они могли бы быть иными, чем они есть. Они не несут в себе никакой внутренней необходимости, которая делала бы их неоспоримыми. Именно поэтому:

«Нежелательное мнение можно оспорить, отвергнуть или принять в качестве компромисса. Но нежелательные факты обладают раздражающим упрямством, которое ничто не может сдвинуть, кроме откровенной лжи».

Это наблюдение содержит принципиальную асимметрию: ложь обладает в политике **структурным преимуществом** перед истиной. Истина требует признания, она «принудительна» в своей претензии – и именно это делает её политически некомфортной. Арендт пишет: «Правда несёт в себе элемент принуждения, и нередко тиранические тенденции, присущие стремлению к истине, заставляют её противников воспринимать её как угрозу». Лжец, напротив, по природе своей является **актором** – он вносит в мир нечто новое, он действует, он меняет нарратив. Говорить правду значит указывать на мир как он есть. Лгать – значит конструировать мир, каким он должен быть.

Из этого следует центральный тезис «Truth and Politics»:

«Правдивость никогда не входила в число политических добродетелей» – не потому что политики аморальны, а потому что «правдивость мало что вносит в то изменение мира и обстоятельств, которое является одним из наиболее легитимных политических занятий». Политика – это сфера действия, а действие предполагает воображение: способность представить мир иным, нежели он есть, и начать двигаться к этому иному образу. Именно это роднит политического деятеля и лжеца: **оба используют воображение для преобразования реальности.**

«Lying in Politics» (1971): анатомия *defactualization*

Если «Truth and Politics» формулирует онтологический диагноз, то «Lying in Politics» разворачивает его в конкретную феноменологию на материале вьетнамской войны и «Документов Пентагона». Публикация семнадцати томов сверхсекретных материалов открыла для Арендт картину, которую она описывает как «зыбучие пески лжи всех сортов, самообман не меньше, чем обман».

Арендт выстраивает цепочку из пяти последовательных механизмов, которые вместе образуют процесс **дефактуализации** – постепенного разрыва власти с фактической реальностью:

1. Самообман (*self-deception*). Процесс начинается не с сознательной лжи, а с того, что лжецы сами верят собственным проекциям. Члены администрации, разрабатывав-

шие стратегию в Индокитае, исходили не из того, что *есть*, а из того, что *должно быть* или что *скорее всего будет* согласно их теориям. «Обманщики начинали с самообмана», — фиксирует Арендт. Вероятно, высокое положение и поразительная самоуверенность делали их настолько убеждёнными в правоте своих психологических предпосылок относительно неограниченных возможностей манипуляции людьми, что они *предвосхищали* победу на поле общественного мнения — и именно поэтому не нуждались в верификации фактами.

2. Образотворчество (*image-making*). На следующей ступени вступают две группы профессиональных манипуляторов реальностью: «создатели образов» — PR-агенты, пришедшие в Вашингтон с Мэдисон-авеню — и «решатели проблем» — теоретики игр и системные аналитики из университетов. Первые создают *образ* США как «доброго доктора», протягивающего руку друзьям в борьбе с коммунизмом. Вторые обеспечивают реализацию этого образа через военные операции. Арендт особо подчёркивает: образотворчество в политике **вытесняет подлинное действие** — вместо того чтобы реагировать на реальность, власть начинает производить симуляцию, которую продаёт как реальность.

3. Идеологизация (*ideologizing*). Образ обретает системный характер: разрозненные нарративы собираются в связную картину мира, которая становится самодостаточной и самоподтверждающей. Неудобные данные разведки отвер-

гаются не потому что они неверны по существу, а потому что они не вписываются в уже выстроенную схему. «Решатели проблем» работали с задачами, возникающими *внутри* идеологической системы, а не с задачей её соответствия реальности. Реальность превратилась в одну из переменных, которую нужно учитывать лишь в той мере, в которой она видима публике.

4. Дефактуализация (*defactualization*). Кульминация процесса – полный разрыв с фактической реальностью. Арендт фиксирует характерный симптом: «Дефактуализация и абстрактное решение проблем приветствовались [в Пентагоне], потому что пренебрежение реальностью было имманентно самим политическим целям и решениям». Это не патология отдельных личностей – это институциональное состояние, при котором **система целеполагания структурно исключает верификацию фактами**. Мир, в котором действовала власть, был «дефактуализированным миром, где ставились политические цели и принимались военные решения».

5. Организованная ложь (*organized lying*). Финальная стадия – когда дефактуализированная картина мира начинает транслироваться вовне как факты. Это уже не самообман, но и не классическое сознательное лгание: это **производство фиктивной реальности**, которая, будучи достаточно широко принята, становится политически реальной.

Онтологическое основание: ложь, действие и воображение

Философски наиболее глубокий тезис Арендт состоит в том, что способность лгать и способность действовать политически **имеют один и тот же источник** – то, что Кант называл воображением (*Einbildungskraft*). Воображение есть способность представить мир иным, нежели он есть. Именно это позволяет человеку как планировать действие (менять реальность), так и говорить ложь (представлять реальность иной для другого). Арендт формулирует:

«Намеренная ложь и способность действовать – то есть менять факты – связаны между собой; они обязаны своим существованием одному источнику: воображению».

Это означает: ложь в политике – не импортированный дефект, не привнесённая порча, не моральное падение. **Это структурное следствие самой природы политического действия.** Устранить ложь из политики значило бы устранить из неё воображение – то есть устранить саму возможность действия, проекта, изменения.

Отсюда у Арендт вытекает важное разграничение, принципиальное для концепции данной монографии. *«Организованная ложь»* тоталитаризма отличается от обычной политической лжи не по роду, а по масштабу: тоталитаризм стремится к «замене реальности фиктивной реальностью» целиком. Обычная политическая ложь оспаривает отдельные факты, оставляя нетронутой общую фактическую ткань ре-

альности. Тоталитарная ложь атакует эту ткань как таковую – производя «псевдореальность», которая претендует на то, чтобы стать единственной реальностью. Разница между этими двумя режимами лжи – **разница между ложью внутри общего фактического горизонта и ложью, которая уничтожает этот горизонт.**

***Contingent facts* и структурная хрупкость фактов**

Арендт специально останавливается на том, почему фактическая истина столь уязвима именно в политическом пространстве. Причина – в онтологическом статусе *contingent facts*. Факты политической истории всегда могли бы быть иными: они суть результат действий людей, а действия могли быть иными. Они не обладают той же логической принудительностью, что математическая аксиома. И именно это свойство делает их **открытыми для переопределения**: достаточно достаточно убедительного нарратива – и факт начинает восприниматься как «лишь одна из интерпретаций».

Арендт указывает: «Факты и события – бесконечно более хрупкие вещи, нежели аксиомы, открытия, теории, произведённые человеческим умом». Эта хрупкость не случайна: факт существует лишь постольку, поскольку о нём свидетельствуют, поскольку его помнят, поскольку на него указывают. Достаточно систематически замолчать факт – и он исчезает из политической реальности так же эффективно, как если бы его никогда не было. Именно поэтому институт неза-

висимой прессы и независимой историографии имеет для Арендт не прагматическое, а **онтологическое значение**: они суть хранители хрупкого фактического мира, без которого политическое пространство утрачивает общую почву.

Апория: факт как основание и факт как политический объект

Исследователи указывают на фундаментальное противоречие в позиции Арендт, которое она сама не вполне разрешает. С одной стороны, факты «упрямы» – они существуют независимо от согласия, их «ничто не может сдвинуть, кроме откровенной лжи». С другой – факты «хрупки», они «существуют лишь постольку, поскольку о них говорят», они политически уязвимы. Это противоречие не является слабостью аргумента: оно точно описывает **двойственную онтологию факта** – факт одновременно независим (произошло то, что произошло) и зависим (существует в политическом пространстве лишь через свидетельство и память).

Именно эта двойственность объясняет, почему стратегия «разоблачения лжи» в политике столь редко достигает своей цели. Разоблачение предполагает апелляцию к фактам – но факты, как показывает Арендт, не обладают той принудительностью, которая заставляла бы аудиторию их принять. Нежелательный факт воспринимается как «одна из интерпретаций», а само разоблачение – как политически мотивированное. **Борьба за факты ведётся не фактами, а нар-**

ративами – то есть орудиями, которыми пользуется и ложь.

Арендт и концепция координат объективности

Значение Арендт для настоящей монографии определяется тем, что она завершает историко-философский диагноз, начатый в § 1.1, и одновременно указывает на то, **чего нельзя сделать и что необходимо сделать вместо этого**.

Нельзя добиться истины в политике через разоблачение лжецов – потому что политическая ложь органична самой структуре политического действия, потому что факт хрупок и оспорим, потому что «борьба с ложью» воспроизводит ту же самую логику образотворчества. Арендт сама убедилась в этом на собственном опыте: корректные исторические факты в книге об Эйхмане были встречены не контраргументами, а организованной дискредитацией.

Необходимо иное: вместо того чтобы идентифицировать лжецов и противостоять им как лжецам, необходимо **картографировать позиции** – определять, из какого места говорит тот или иной агент, какие интересы структурируют его восприятие реальности, в каких тематических областях его *contingent facts* с наибольшей вероятностью подвергаются дефактуализации. Этот поворот – от моральной категории к эпистемической картографии – и составляет методологическое ядро концепции, развиваемой в данной монографии.

Арендт сформулировала диагноз. Следующий шаг – разработка инструмента: системы координат, в которой анга-

жированность измерима, зависимость видима, а дефактуализация локализуема. Именно к этому повороту обращается Часть II настоящего исследования.

§1.3. Post-truth как радикализация: Ли Макинтайр и онтология политического производства реальности

Два предыдущих параграфа описали траекторию, по которой западная мысль двигалась к феномену постправды. Платон легитимировал «благородную ложь» как исключение из нормы; Макиавелли зафиксировал ложь как регулярную практику власти; Кант попытался закрыть пространство для любых исключений и лишь обнажил неснимаемость противоречия; Арендт установила, что ложь в политике структурно неустранима, поскольку коренится в самой природе политического действия. Феномен постправды, детально исследованный Ли Макинтайром, представляет собой **качественный скачок в этой траектории**, а не просто её продолжение. Речь идёт не о более изощрённой лжи – речь идёт о ситуации, в которой само различие между ложью и правдой утрачивает операциональный смысл.

Определение: политическое подчинение реальности

Отправная точка книги Макинтайра «Post-Truth» (MIT Press, 2018) – критика той дефиниции, которую дал Оксфордский словарь, объявив «post-truth» словом 2016 года:

«обстоятельства, при которых объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем апелляция к эмоциям и личным убеждениям». Макинтайр считает это определение недостаточным, поскольку оно описывает лишь симптом, но не механизм и не цель. Его собственное определение принципиально иное:

«Post-truth – это политическое подчинение реальности» (the political subordination of reality).

Разница между двумя определениями – разница между феноменологическим описанием и онтологическим диагнозом. «Факты менее влиятельны» – это наблюдение о состоянии публичного дискурса. «Политическое подчинение реальности» – это утверждение о целенаправленном *производстве* эпистемического состояния общества, в котором реальность подчиняется политической воле. Постправда, по Макинтайру, – не следствие человеческой слабости, не побочный эффект информационного шума, не неизбежный результат медиафрагментации. Это **стратегия**. Цель этой стратегии – не убедить аудиторию в ложном, а установить над ней контроль через разрушение самой возможности апеллировать к общей реальности.

Классическая ложь и постправда: структурное различие

Для понимания того, что именно является новым в феномене постправды, необходимо чётко очертить его отличие

от классической политической лжи, описанной в §§1.1—1.2. Это различие носит не количественный, а **качественный, онтологический характер**.

Классическая политическая ложь – от Макиавелли до советской пропаганды – имеет специфическое отношение к истине: она её знает. Лжец, в стандартном смысле, убеждён, что говорит нечто ложное, и стремится убедить другого в том, что ложное является истинным. Это значит, что классическая ложь **признаёт приоритет истины** – пусть и для того, чтобы её скрыть: лжец «противостоит истине и отказывается признать её требования». Ложь существует в системе координат, одним из полюсов которой является истина. Именно поэтому классическая ложь уязвима: если факты будут установлены, нарратив разрушится.

Постправда работает принципиально иначе. Гарри Франкфурт в эссе «On Bullshit» (1986, книга 2005) ввёл важнейшее различие: *bullshitter* отличается от лжеца не тем, что говорит заведомо ложное, а тем, что ему **безразлично**, является ли то, что он говорит, истинным или ложным. Лжец скрывает истину; говорящий *bullshit* игнорирует саму категорию истины. Именно поэтому Франкфурт утверждает: «Bullshit – большой враг истины, чем ложь». Ложь хотя бы эпистемологически ответственна: она есть отношение к истине, пусть и негативное. *Bullshit* разрывает это отношение полностью.

Макинтайр идёт дальше Франкфурта. Если франкфуртов-

ский *bullshitter* индифферентен к истине как бы стихийно – из желания произвести впечатление, из лени, из прагматизма, – то постправда является **организованной и целенаправленной индифферентностью к истине как политической стратегией**. Постправда не просто безразлична к различию истинного и ложного – она активно производит это безразличие в аудитории. Цель – не «вы поверили лжи», а «вы перестали верить чему-либо».

Механизм тотального цинизма

Этот механизм – производство тотального цинизма – был описан Арендт применительно к тоталитарным режимам ещё в «Истоках тоталитаризма» (1951). Арендт фиксировала специфическую психологическую реакцию членов тоталитарных движений на ложь лидеров: «вместо того чтобы покинуть вождей, которые им солгали, они заявляли, что и так всегда знали, что это была ложь, и восхищались вождями за их превосходящую тактическую ловкость». Ложь была не обманом, а **демонстрацией власти** – властью настолько, что она могла позволить себе лгать открыто и безнаказанно.

Макинтайр прослеживает, как этот механизм воспроизводится в современном демократическом контексте. Когда Трамп утверждал, что его инаугурация собрала большую толпу, чем инаугурация Обамы – вопреки очевидным фотографиям и данным – он не преследовал цель убедить аудиторию в ложном факте. Он демонстрировал: «Я достаточно

силён, чтобы утверждать свою версию реальности, и последствий нет». Это не эпистемический акт, а **перформативный акт власти**. Послание – не «это правда», а «я вправе определять, что является правдой».

Результат систематического применения этой стратегии – именно то состояние, которое Арендт описывала применительно к тоталитарной пропаганде: «постоянная ложь направлена не на то, чтобы заставить людей поверить лжи, а на то, чтобы никто больше ни во что не верил». Разрушается не просто конкретный нарратив – разрушается **сам инструментарий различения** истинного и ложного. Когда все утверждения воспринимаются как политически мотивированные, когда «факты» превращаются в «нарративы», а «объективность» – в «позицию», – тогда само разоблачение лжи теряет эффективность. Оно воспринимается как ещё один нарратив.

Корни постправды: от отрицания науки к постмодернизму

Макинтайр прослеживает генеалогию постправды по двум линиям, которые в конце XX – начале XXI века сошлись.

Первая линия – отрицание научных фактов как политическая стратегия. Табачные корпорации в 1950—1970-х годах разработали метод, который Макинтайр считает прообразом всей последующей постправды: когда научный кон-

сенсус о вреде курения стал очевиден, они финансировали альтернативные исследования – не для того, чтобы опровергнуть консенсус, а для того, чтобы **создать видимость отсутствия консенсуса**. Цель была не победить в научной дискуссии, а уничтожить саму возможность апеллировать к научному авторитету. Та же логика воспроизвелась в отрицании эволюции, климатических изменений, безопасности вакцин. Это был системный тренинг аудитории в **методологическом скептицизме**, применяемом только к неудобным фактам.

Вторая линия – постмодернистская философия, давшая интеллектуальное прикрытие для отрицания объективной реальности. Макинтайр фиксирует два тезиса, которые, по его мнению, вышли за пределы академической философии и были подхвачены политическими акторами: «не существует объективной истины» и «любое высказывание об истине является лишь отражением политической идеологии говорящего». В руках академических философов эти тезисы были инструментами критики наивного эмпиризма и позитивизма. В руках политических операторов они стали **лицензией на произвольное конструирование реальности**. Именно здесь Макинтайр видит принципиальную «иронию»: критика претензий на объективность, предназначенная освободить мысль, создала интеллектуальный климат, в котором стало возможным производить «альтернативные факты» без каких-либо эпистемических по-

следствий.

Постправда как идеологическое господство

Макинтайр настаивает на принципиальном тезисе, который отличает его позицию от либеральных диагнозов «информационного кризиса»: постправда – это не следствие невежества аудитории и не результат технологических изменений медиасреды. Это **форма идеологического господства**:

«Post-truth amounts to a form of ideological supremacy, whereby its practitioners are trying to compel someone to believe in something whether there is good evidence for it or not. And this is a recipe for political domination».

Это значит: постправда – не эпистемическая проблема, решаемая лучшим образованием или более точным фактчекингом. Это политическая проблема, решаемая только политически. Фактчекинг бессилен против постправды по той же причине, по которой разоблачение бессильно против организованной дефактуализации у Арендт: оно оперирует внутри системы координат, которую постправда целенаправленно разрушает.

Именно здесь критики Макинтайра, однако, указывают на слабость его позиции. Само понятие «постправда» несёт в себе скрытую нормативность: оно предполагает, что существует «правда» по отношению к которой описываемый феномен является «пост-». Но кто и как устанавливает со-

держание этой «правды»? Как указывает один из критиков, «утверждения о постправде нередко являются выражением разочарования либерального класса, обескураженного политическими потрясениями, которые противоречат его базовым убеждениям». Само разоблачение постправды может быть стратегией **захвата эпистемического авторитета**, то есть воспроизводить ту же логику, которую оно претендует разоблачить.

Арендт, Франкфурт, Макинтайр: сравнительная схема

	Классическая ложь	Организованная ложь (Арендт)	Bullshit (Франкфурт)	Постправда (Макинтайр)
Отношение к истине	Знает истину, скрывает её	Систематически оспаривает факты	Индифферентна к истине	Целенаправленно разрушает категорию истины
Цель	Убедить в ложном	Создать альтернативный нарратив	Произвести впечатление	Установить контроль над реальностью
Уязвимость	Разоблачение фактами	Сохранение фактической ткани	Демонстрация безразличия	Разоблачение бессильно — воспринимается как нарратив
Политический механизм	Обман	Дефактуализация	Эрозия доверия	Идеологическое господство

Диагностическая ценность для концепции координат

Феномен постправды, описанный Макинтайром, завершает историко-философский диагноз первой части монографии и одновременно создаёт максимальную остроту проблемы. Если классическая ложь уязвима для разоблачения, если арендтовская дефактуализация разрушима при сохранении институтов хранения фактической памяти, – то постправда атакует сами эти инструменты. Разоблачение лжеца в условиях постправды не просто неэффективно: оно **контрпродуктивно**, поскольку воспроизводит ту же логику нарративного противостояния, которую постправда использует как среду существования.

Именно в этом заключается наибольшая практическая ценность концепции координат объективности, развиваемой в данной монографии. Если борьба с ложью воспроизводит логику постправды, то **картографирование позиций** работает принципиально иначе: оно не разоблачает, не обвиняет, не апеллирует к истине как к оружию. Оно описывает систему зависимостей и ограничений, внутри которых действует тот или иной агент, – и тем самым задаёт **инструментальные координаты**, позволяющие оценивать высказывания без апелляции к категории «лжи». Там, где постправда уничтожает почву для разговора об истине, картография объективности создаёт почву для разговора о *степени зависимости и структуре ограничений* – категориях, которые, в отличие от «лжи», не предполагают морального приговора и не воспроизводят нарративного противостояния.

§1.4. Метафизика удержания: ложь как принудительное закрытие промежутка

Три предыдущих параграфа выстраивали восходящую дугу диагноза. Классическая традиция зафиксировала неснижаемое напряжение между нормой запрета лжи и политической практикой. Арендт установила, что это напряжение структурно, а не случайно: ложь органична политике, потому что политическое действие и фактическая истина несовместимы по природе. Макинтайр показал, что постправда является радикализацией этой несовместимости до точки, в которой сама категория истины утрачивает операциональный смысл. Каждый из этих теоретических шагов был точным диагнозом – и каждый оставлял открытым один и тот же практический вопрос: **если ложь неустраима, если разоблачение бессильно, если апелляция к истине воспроизводит проблему, которую претендует разрешить** – что остаётся как инструмент?

Настоящий параграф вводит авторскую оптику, в которой этот вопрос получает принципиально иную постановку. Метафизика удержания – концептуальная система, разработанная в предшествующих работах автора, – предлагает не ответ на вопрос «как победить ложь», а переформулирование самого вопроса: что именно является противоположностью лжи? Традиционный ответ – «истина» – порождает все описанные тупики. Иной ответ, к которому ведёт Метафизика

удержания, – **удержанное пространство нерешённости**, в котором истина может возникнуть как результат честного процесса, а не навязанного решения.

Базовый онтологический концепт: промежуток

Центральной категорией Метафизики удержания является **промежуток** (*promezutok*) – пространство между состояниями, в котором ситуация ещё не определилась, решение ещё не принято, смысл ещё не закрылся. Промежуток – не отсутствие решения как дефект, а **продуктивная неопределённость** как онтологическое условие. Именно в промежутке происходит реальная работа понимания: столкновение версий, испытание аргументов, созревание смысла.

Это понятие имеет параллели в нескольких традициях, однако в каждой из них оно получает иное наполнение. Хайдеггер в «Бытии и времени» описывает *Dasein* как существо, которое всегда находится «между» – между рождением и смертью, между уже-принятыми решениями и ещё-не-решёнными возможностями. Для Хайдеггера это «между» является онтологической структурой подлинного существования. Бахтин вводит понятие «незавершимости» (*nezavershenost'*) как конститутивного свойства живого диалога: смысл возникает не в монологе, не в закрытом высказывании, а в открытом «между» двух голосов, ни один из которых не является финальным. Арндт, как было по-

казано в §1.2, фиксирует «хрупкость» политического факта: факт существует лишь постольку, поскольку остаётся живым в памяти и свидетельстве, – то есть постольку, поскольку промежуток его интерпретации не закрыт.

Метафизика удержания систематизирует эти интуиции в операциональную концепцию. **Удержание промежутка** – это не пассивное воздержание от суждения (эпохэ в пирроновском смысле), не скептицизм и не релятивизм. Это **активное поддержание открытости** – способность сохранять пространство, в котором процесс понимания продолжается, а не прерывается преждевременным закрытием.

Ложь как онтологический жест принудительного закрытия

В системе координат Метафизики удержания ложь получает принципиально иное определение, нежели то, которым оперирует как моральная философия, так и политическая эпистемология.

Традиционное определение лжи – сознательное высказывание ложного с целью ввести другого в заблуждение (Кант, Августин, а в аналитической традиции – Экман, Сирль) – фиксирует только один слой явления: намерение субъекта. Это определение делает ложь **моральным проступком** и требует в качестве реакции морального осуждения. Именно этот путь ведёт к описанным тупикам: разоблачение воспроизводит нарративное противостояние, обвинение

в лжи симметрично отбивается обвинением в лжи.

В Метафизике удержания ложь переопределяется на онтологическом уровне. **Ложь – это принудительное закрытие промежутка:** навязывание окончательного суждения там, где промежуток ещё продуктивен и не исчерпан. Это определение смещает акцент с намерения субъекта на **эффект, производимый в пространстве понимания.** Ложь делает не тот, кто сознательно говорит ложное (хотя это тоже ложь), – ложь делает тот, кто **закрывает возможность промежутка:** кто навязывает единственную версию прежде, чем процесс понимания завершился, кто уничтожает условия для возникновения иного взгляда.

Три следствия этого переопределения принципиальны.

Первое следствие: ложь может быть совершена посредством истинного высказывания. Если истинный факт используется для того, чтобы закрыть промежуток, исключить конкурирующие интерпретации и навязать окончательное суждение о сложной ситуации – это онтологически является ложью в системе Метафизики удержания. «Selective truth» – избирательная правда – является ложью не потому что факты неверны, а потому что она производит принудительное закрытие. Именно это описывают понятия *spin* в политической коммуникации и *cherry-picking* в риторике: манипуляция не фактами, а промежутком между фактами.

Второе следствие: ложь может быть совершена в режиме молчания. Замолчанный факт, умолчанный контекст, из-

бегаемый вопрос – всё это является формами принудительного закрытия промежутка без единого ложного высказывания. Это прямо связывает концепцию Метафизики удержания с арендтовским понятием *defactualization*: дефактуализация есть именно систематическое замалчивание как стратегия закрытия промежутка.

Третье следствие: ложь и самообман образуют **онтологический континуум**, а не два отдельных явления. Тот, кто закрывает промежуток в собственном сознании – кто отказывается удерживать открытость там, где это требует усилия, – совершает тот же онтологический жест, что и тот, кто закрывает промежуток для другого. Это объясняет наблюдение Арендт о «Документах Пентагона»: «обманщики начинали с самообмана» – потому что самообман и ложь являются двумя формами одного онтологического движения. Различие между ними – в направленности: внутрь или вовне.

Противоположность лжи: не истина, а удержанное пространство

Этот тезис является, пожалуй, наиболее контринтуитивным в Метафизике удержания – и наиболее операционально важным для задач данной монографии.

Традиционно противоположностью лжи считается истина. Это бинарное противопоставление – ложь / истина – структурирует всю классическую дискуссию, от Платона до Канта, от Арендт до Макинтайра. Именно оно делает

стратегию разоблачения интуитивно очевидной: если есть ложь, нужно противопоставить ей истину. Именно оно делает борьбу с постправдой похожей на попытку потушить пожар бензином: апелляция к истине в условиях, когда категория истины разрушена, воспроизводит ту же логику нарративного столкновения.

В системе Метафизики удержания противоположностью лжи является **удержанное пространство нерешённости** – то состояние промежутка, в котором возможность истины не уничтожена, а сохранена. Назовём это состояние **открытым горизонтом**. Открытый горизонт – это не отсутствие позиции, не равнодушие к истине. Это сохранение условий, при которых истина может возникнуть как **результат процесса**, а не как **навязанное решение**.

Различие между этими двумя путями к «истине» – принципиальное. Навязанное решение может случайно совпасть с истиной – так же как монета, брошенная решкой вверх, может случайно дать правильный ответ на вопрос «чётное ли число x ?». Но этот правильный ответ получен не *потому что* процесс его генерации был настроен на истину, а *несмотря на то*, что он был настроен на навязывание. Навязанное решение разрушает саму процедуру, которая делает истину воспроизводимой, проверяемой и общезначимой.

Именно это имеет в виду Арендт, когда пишет, что «факт существует постольку, поскольку о нём свидетельствуют»: факт не является данностью, которую достаточно провозгла-

ситель — он существует только внутри живого процесса свидетельства, памяти, обсуждения. Уничтожь этот процесс — и факт исчезнет, даже если все высказывания о нём истинны в словарном смысле. Открытый горизонт в Метафизике удержания — это именно сохранение **процессуальности истины**: её способности возникать, проверяться, уточняться и быть оспоренной в промежутке между позициями.

Три режима закрытия промежутка в политике и журналистике

Применяя эту теоретическую рамку к материалу данной монографии, можно выделить три основных режима, в которых происходит принудительное закрытие промежутка в политическом и журналистском дискурсе.

Режим первый: навязывание финального нарратива (*narrative foreclosure*). Это наиболее очевидная форма. Событие помещается в уже готовую интерпретационную рамку, которая исключает альтернативные объяснения прежде, чем они могут быть сформулированы. Рамка производится не лжью в классическом смысле, а **скоростью**: финальный нарратив создаётся быстрее, чем успевает развернуться промежуток. В условиях современных медиа это структурное давление: первые 24 часа после события определяют рамку, которая потом воспроизводится всеми последующими публикациями.

Режим второй: делегитимация альтернативных по-

зиций (*delegitimizing the promezutok*). Промежуток удерживается многими голосами: если один из голосов дискредитирован не по существу своих аргументов, а по признаку источника – «это пропаганда», «это ангажированный журналист», «это политически мотивированное высказывание» – промежуток закрывается через устранение одного из его участников. Этот режим является типичным для современного партийного дискурса и для того, что Макинтайр описывает как «политическое производство реальности»: не «ваши факты неверны», а «вы не имеете права говорить о фактах».

Режим третий: предвосхищение суждения аудитории (*pre-empting the audience*). Этот режим характерен именно для «образотворчества» в арендтовском смысле: вместо того чтобы представить ситуацию и дать аудитории сформировать суждение, политический агент или журналист сначала производит образ – эмоционально насыщенный, риторически оформленный, апеллирующий к существующим предубеждениям – и затем помещает факты внутрь этого образа как иллюстрации. Промежуток не возникает, потому что суждение принято прежде, чем факты были представлены.

Честная ангажированность как парадигматический пример удержания

Одним из ключевых следствий концепции промежутка является переопределение понятия **ангажированности**.

В традиционном понимании ангажированность – это отклонение от нейтральности, которое является условием объективности. Борьба с ложью часто редуцируется к требованию нейтральности: «журналист должен не иметь позиции», «политик должен следовать фактам, а не идеологии».

Метафизика удержания устанавливает иное: **ангажированность не является противоположностью объективности**. Ангажированность – это позиционированность субъекта, его «место говорения», его точка зрения. Ницше был прав: всякое знание перспективно, и «взгляд ниоткуда» является особым видом лжи. Проблема – не в ангажированности как таковой, а в **закрытии промежутка**, которое ангажированность может производить или не производить.

Честная ангажированность – это позиция, которая осознаёт собственную перспективность и, тем самым, **удерживает промежуток**: «я вижу это из этого места, с этими ограничениями, с этими зависимостями». Такая позиция не претендует на закрытие, не навязывает финального суждения – она делает видимыми координаты своего взгляда и тем самым сохраняет возможность для иного взгляда из иного места. Именно Донна Харауэй имела в виду это, когда писала: «только частичная перспектива обещает объективное видение». Объективность достигается не через нейтральность, а через **прозрачность позиции**.

Напротив, **нечестная ангажированность** – это позиция, которая скрывает собственную перспективность под

претензией на нейтральность или абсолютность. «Мы просто сообщаем факты» из уст органа, имеющего известных владельцев с известными интересами, является более глубокой формой принудительного закрытия, чем открыто ангажированный комментатор: она производит закрытие и одновременно делает его невидимым.

Связь с предыдущими разделами: онтологическое прочтение традиции

Введение оптики Метафизики удержания позволяет ретроспективно переосмыслить всю классическую традицию, описанную в §§1.1—1.3.

Платоновская «благородная ложь» является принудительным закрытием промежутка на уровне учредительного мифа: полис основан на нарративе, который структурно исключает вопрос «а что если это иначе?» – то есть уничтожает возможность промежутка в самом основании. Кантовский абсолютный запрет лжи является попыткой защитить промежуток через норму: если ложь всегда запрещена, то пространство для честного процесса сохраняется – но эта попытка игнорирует, что промежуток может быть закрыт и истинными высказываниями, и молчанием, и образотворчеством. Арендтовская дефактуализация – это именно систематическое принудительное закрытие через «образотворчество» и «решение проблем» внутри дефактуализированного мира. Макинтайровская постправда – это инфраструк-

турное закрытие: разрушение самой способности аудитории удерживать промежуток, производство тотального цинизма как **среды, в которой промежуток структурно невозможен**.

Эта ретроспектива обнажает сквозную логику: каждый следующий этап в эволюции политической лжи является **более глубоким уровнем закрытия**. Классическая ложь закрывает конкретный факт. Организованная ложь закрывает фактическую ткань события. Постправда закрывает саму способность различать открытое и закрытое. И именно поэтому ответ на каждый из этих уровней не может быть симметричным – он должен работать **на уровень глубже**: не «вот правда», а «вот координаты того, кто закрывает», не «он лжёт», а «вот структура его зависимостей, которая делает это закрытие предсказуемым и измеримым».

Переход к Части II: от диагноза к инструменту

Настоящий параграф завершает часть I монографии. Диагноз сформулирован полностью: ложь в политике и журналистике является не моральным дефектом отдельных агентов, а структурным свойством публичного пространства – онтологическим жестом принудительного закрытия промежутка, который воспроизводится на всех уровнях политической коммуникации, от единичного высказывания до инфраструктуры эпистемической среды.

Из этого диагноза следует методологическое требование,

которое определяет задачу части II: инструмент анализа политической лжи должен работать **не через апелляцию к истине** (которая воспроизводит закрытие), **не через разоблачение лжецов** (которое воспроизводит нарративное противостояние), а через **картографирование координат**: определение того, из какого места говорит агент, какова структура его зависимостей, в каких тематических зонах его промежуток закрыт с наибольшей вероятностью, и – что критически важно – в каких зонах он относительно свободен и, следовательно, способен к честной аналитике.

Именно это и является концепцией «координат объективности», разработке которой посвящена часть II.

Глава 2. Почему борьба со «ложью» не работает: психология мотивированного мышления

§2.1. Confirmation bias и disconfirmation bias: почему разоблачение лжи усиливает поляризацию

Если часть I установила, что ложь в политике неустранима по структурным причинам, то часть II обращается к вопросу, почему стандартная стратегия борьбы с ней – разоблачение, предъявление контрфактов, апелляция к доказательствам – не просто неэффективна, но нередко производит прямо противоположный результат. Ответ лежит в психологии мотивированного мышления – исследовательской программе, которая за последние тридцать лет накопила один из наиболее устойчивых и воспроизводимых массивов ре-

зультатов в политической психологии. Центральным в этой программе является исследование Чарльза Табера и Милтона Лоджа «Motivated Skepticism in the Evaluation of Political Beliefs» (2006, *American Journal of Political Science*) – работа, которая переформулировала стандартную когнитивную картину политического рассуждения и поставила под вопрос само понятие «образованного гражданина» как агента рационального дискурса.

Исходная рамка: рациональный байесианец и его пределы

Нормативная модель обновления убеждений в когнитивной науке – байесианская: субъект имеет начальное убеждение (*prior*), получает новую информацию, и обновляет убеждение в соответствии с вероятностным весом этой информации. Эта модель предполагает, что чем более информирован субъект, тем более точными будут его суждения: знание является ресурсом, нейтральным по отношению к направлению вывода.

Именно это предположение – и является объектом атаки в работе Табера и Лоджа. Их исходная гипотеза, опирающаяся на более раннюю концепцию «аффективного примиривания» Лоджа и Табера (2005) и на модель «горячего» когнитивного процесса, состоит в следующем: **политическое мышление запускается не нейтральной обработкой информации, а аффективной реакцией**. Прежде

чем субъект успевает осознанно оценить аргумент, его эмоциональная система уже сигнализирует «за» или «против» – и именно этот сигнал определяет последующую когнитивную обработку. Разум не оценивает аргумент независимо от предшествующих убеждений – он **обслуживает** эти убеждения.

Дизайн исследования: два эксперимента

Taber и Лодж провели два экспериментальных исследования на материале двух острых политических тем – **контроля над оружием** и **позитивной дискриминации** (*affirmative action*). Выбор тем был не случаен: оба вопроса отличаются высокой политической насыщенностью, длительной историей публичных дебатов и тем, что авторы называют «горячими аргументами» – высказываниями, взятыми непосредственно из материалов реальных политических организаций, а не сконструированными нейтральными формулировками.

Участники были разбиты по степени политической осведомлённости (*political sophistication*) и силе предшествующих убеждений (*prior attitude strength*). Им предъявлялись аргументы двух типов – конгруэнтные их позиции и неконгруэнтные. В первом эксперименте аргументы предъявлялись принудительно; во втором участники сами выбирали, какие источники читать. В обоих случаях фиксировались: время, затраченное на чтение, содержание мыслей, записываемых

участниками в процессе, изменение убеждений до и после знакомства с аргументами, и – критически важно – способ оценки качества аргументов.

Результат 1: Prior attitude effect – конгруэнтный аргумент сильнее

Первый результат воспроизвёл и уточнил уже известный в психологии феномен: **конгруэнтные аргументы оцениваются как более сильные и убедительные**, даже если они объективно не превосходят неконгруэнтные по качеству. Это само по себе не сенсационно. Принципиальный вклад Табера и Лоджа – в трёх следующих результатах.

Результат 2: Disconfirmation bias – активная контраргументация

Второй результат – **disconfirmation bias**, асимметрия когнитивной обработки – является ядром исследования. Когда участники читали аргументы, противоречащие их позиции, они не просто оценивали их как более слабые. Они **активно контраргументировали** их: тратили больше времени (в среднем около 2 секунд, у политически осведомлённых – более 5 секунд), генерировали мысли почти исключительно **denigrating** («опровергающего» характера) и выходили из процесса чтения с укреплёнными, а не скорректированными убеждениями. Конгруэнтные аргументы, напротив, принимались «некритически» – без контраргументов,

с минимальной когнитивной обработкой.

Механизм, описываемый Табером и Лоджем, принципиально отличается от простой «избирательности»: это не пассивное игнорирование неудобных данных, а **активная мобилизация когнитивных ресурсов против них**. Субъект не закрывает глаза на неконгруэнтный аргумент – он его читает, думает о нём, – но направление работы мысли задано не вопросом «верно ли это?», а вопросом «почему это неверно?». Аргумент воспринимается не как информация, требующая оценки, а как **вызов, требующий отражения**.

Результат 3: Confirmation bias – селективный поиск информации

В эксперименте, где участники могли сами выбирать, какие источники читать, обнаружился **confirmation bias** в строгом смысле – **активный поиск подтверждающих источников** при одновременном уклонении от опровергающих. Это не просто «читаю то, что согласуется с моими взглядами из-за доступности» – это активная стратегия формирования информационной среды, в которой неконгруэнтная информация систематически элиминируется.

Важен контраст с *disconfirmation bias*: оба механизма работают в одном направлении, но на разных стадиях. *Disconfirmation bias* – это активное опровержение уже принятой неудобной информации. *Confirmation bias* – это её превентивное исключение через выбор источников. Вме-

сте они образуют **двухуровневую систему защиты предшествующих убеждений**: первый уровень не допускает неконгруэнтную информацию, второй – нейтрализует её, если она всё же проникает.

Результат 4: Attitude polarization – разоблачение усиливает позиции

Совокупным следствием обоих механизмов является **поляризация убеждений**. Участники, познакомившиеся с аргументами обеих сторон, выходили из процесса с **более жёсткими** позициями, чем те, с которыми входили. Знакомство с противоположными аргументами не смягчало, не нюансировало и не корректировало убеждения – оно их **цементировало**. Этот результат воспроизвёл и систематизировал более ранний классический эксперимент Лорда, Росса и Леппера (1979) о влиянии смешанных свидетельств на убеждения сторонников и противников смертной казни.

Практическое следствие для политической коммуникации: **предъявление контрфактов человеку с сильной политической позицией с высокой вероятностью усиливает эту позицию, а не корректирует её**. Разоблачение не разрушает нарратив – оно его укрепляет, поскольку активирует защитные механизмы, мобилизует контраргументы и превращает разоблачаемого в субъекта, «отстоявшего» свою позицию перед лицом атаки.

Принципиальный парадокс: осведомлённость как усилитель предвзятости

Наиболее контринтуитивный – и наиболее важный для данной монографии – результат Табера и Лоджа касается **роли политической осведомлённости**. Стандартная нормативная модель предполагает, что образованные, информированные граждане должны быть менее подвержены когнитивным искажениям: у них больше знаний для корректного анализа, более развиты навыки критического мышления, более широкий информационный горизонт.

Исследование Табера и Лоджа демонстрирует прямо противоположное: **политически осведомлённые участники демонстрировали более выраженные *disconfirmation bias* и *attitude polarization*, чем неосведомлённые**. Эффект был чётко дифференцирован: неосведомлённые участники со слабыми предшествующими позициями показывали слабый или отсутствующий *disconfirmation bias*; высокоосведомлённые с сильными позициями показывали максимально выраженный эффект.

Механизм объяснения: политически осведомлённый субъект располагает **большим арсеналом контраргументов**. Он знает больше, и именно поэтому он способен более эффективно нейтрализовать неудобные аргументы – найти больше прецедентов, привести больше примеров, указать на большее число методологических уязвимостей в позиции оппонента. Знание является не нейтральным ресурсом,

а орудием защиты предшествующих убеждений. Эксперт – политик, журналист, аналитик, академический исследователь – не находится в безопасности от мотивированного мышления. Он находится **в большей опасности**, чем неосведомлённый человек, поскольку его инструментарий нейтрализации неудобных фактов богаче.

Этот результат подтверждается независимыми исследованиями. Слотхуус и де Врезе (2010) показали, что политическая изошрённость усиливает предвзятость по отношению к фреймам, продвигаемым оппонентами. Баэкгаард и коллеги (2019) обнаружили, что профессиональные политики не менее предвзяты в рассуждении, чем рядовые граждане; более того, их предвзятость возрастала при увеличении объёма предоставляемой информации.

Интерпретация: аффект как первичный процессор

Объяснительная модель Табера и Лоджа опирается на их более ранние работы по «аффективной интеллигенции». Суть: **аффективная реакция предшествует когнитивной обработке и задаёт её направление.** Когда субъект встречает политически нагруженное суждение, первичная реакция – эмоциональная: «моё» или «чужое», «угроза» или «подтверждение». Эта реакция производится автоматически, до осознанного анализа, и задаёт вопрос, с которым разум затем работает. Вместо «верно ли это?» разум получает задание «докажи, что это неверно» (для неконгруэнтного)

или «найди подтверждения» (для конгруэнтного).

Это означает: рациональный аргумент, предъявляемый человеку с сильной политической позицией, **попадает не в нейтральную среду рассмотрения, а в враждебную среду защитной обработки**. Его логическая сила не имеет значения в отрыве от его аффективной маркировки. Контрфакт, предъявленный оппоненту, не воспринимается как вызов его суждению – он воспринимается как атака на его идентичность, поскольку политические убеждения глубоко интегрированы в самоощущение субъекта.

Связь с Метафизикой удержания: закрытый промежуток как когнитивная норма

В оптике Метафизики удержания результаты Табера и Лоджа описывают следующую картину: **мотивированное мышление является психологическим механизмом, обеспечивающим принудительное закрытие промежутка на уровне индивидуальной когниции**. Disconfirmation bias – это буквально механизм, не позволяющий промежутку открыться: неконгруэнтный аргумент нейтрализуется прежде, чем он успевает создать продуктивную неопределённость. Confirmation bias – это механизм превентивного поддержания закрытости: среда формируется так, чтобы аргументы, способные открыть промежуток, в неё не попадали.

Принципиально важно следствие для стратегии разоб-

лечения. Разоблачение оппонента посредством контрфактов работает в той же логике, что и *disconfirmation bias*: оно предъявляет неконгруэнтную информацию человеку, психологически настроенному её отражать. **Разоблачение активизирует механизм закрытия у адресата**, а не открывает промежуток. Более того – как показывает *attitude polarization* – оно усиливает закрытость: адресат выходит из «разоблачения» с более укреплёнными убеждениями, чем до него.

Из этого следует практическое требование к концепции координат объективности: она должна работать **не через предъявление неконгруэнтных фактов адресату**, а через **картографирование позиции говорящего** в пространстве, которое адресат может принять, не воспринимая его как атаку на свою идентичность. Вопрос «где находится этот журналист на карте зависимостей» не является атакой на убеждения аудитории. Это инструментальный вопрос, открывающий промежуток – а не закрывающий его.

От Табера и Лоджа к следующему параграфу

Исследование Табера и Лоджа ставит перед теорией публичной коммуникации вопрос первостепенной важности: если информированный гражданин более, а не менее предвзят – если осведомлённость является ресурсом защиты убеждений, а не инструментом их коррекции – каковы условия, при которых промежуток всё же может быть удержан

открытым? Этот вопрос ведёт к следующему параграфу: к исследованию Джонатана Хайдта, показывающему, что моральные суждения в политике производятся прежде всего интуитивно, а рациональное мышление играет роль не оценщика, а адвоката – *post hoc* рационализации уже принятого аффективного решения.

§2.2. Поляризация установок как эффект разоблачения

Если параграф 2.1 описал психологический механизм, посредством которого предъявление неконгруэнтной информации активирует защитную когнитивную обработку, – настоящий параграф исследует совокупный эффект этого механизма на уровне публичного дискурса. Этот эффект – **поляризация установок** (*attitude polarization*) – является, пожалуй, наиболее контринтуитивным и практически значимым результатом всей программы исследований мотивированного мышления. Его суть: систематическое разоблачение политической лжи не просто не корректирует убеждения сторонников разоблачаемого – оно их усиливает. Обвинение в лжи воспринимается аудиторией оппонента не как информация, требующая рассмотрения, а как политическая атака, требующая отражения, – и в результате производит консолидацию, а не переубеждение.

Лорд, Росс, Леппер (1979): основополагающий экс-

перимент

Фундаментальное экспериментальное свидетельство attitude polarization было получено в классическом исследовании Чарльза Лорда, Ли Росса и Марка Леппера «Biased Assimilation and Attitude Polarization: The Effects of Prior Theories on Subsequently Considered Evidence» (*Journal of Personality and Social Psychology*, 1979). Дизайн исследования был намеренно парадоксальным: участникам, занимавшим противоположные позиции по вопросу о смертной казни, предъявлялись **одни и те же** два исследования – одно, якобы подтверждавшее устрашающий эффект казни, другое, якобы его опровергавшее.

Нормативная байесовская модель предсказывает в этом случае конвергенцию: обе стороны получают одинаковую смесь подтверждающих и опровергающих свидетельств, и оба лагеря должны сдвинуться к центру, поскольку их позиции частично оспорены. Результат оказался прямо противоположным. Участники последовательно оценивали исследование, подтверждавшее их позицию, как методологически более строгое и убедительное, а опровергавшее – как методологически уязвимое и недостаточно доказательное. После знакомства со смешанными свидетельствами обе стороны вышли с **более радикальными**, а не более умеренными позициями: сторонники смертной казни стали большими её сторонниками; противники – большими противниками.

Теоретическая импликация была сформулирована авто-

рами с предельной ясностью:

«Таким образом, результатом ознакомления противостоящих лагерей в социальном споре с одинаковым набором релевантных эмпирических свидетельств может быть не сужение разногласий, а нарастание поляризации».

Это не описание экстремального случая – это описание **нормального исхода** при определённых условиях: высокая эмоциональная нагруженность темы, сильные предшествующие убеждения, смешанные или неоднозначные свидетельства. Именно такими являются условия практически любого значимого политического дискурса.

Найан и Райфлер (2010): эффект бэкфайра

Следующий принципиальный шаг в документировании поляризации установок был сделан Бренданом Найаном и Джейсоном Райфлером в исследовании «When Corrections Fail: The Persistence of Political Misperceptions» (*Political Behavior*, 2010). Авторы провели четыре эксперимента, в которых участники читали имитации газетных статей, содержащих вводящее в заблуждение утверждение политика – и затем либо опровержение этого утверждения, либо ничего.

Результаты подтвердили и радикализировали логику Лорда, Росса и Леппера. В двух из пяти тестируемых условий опровержение не просто не снизило частоту ложного убеждения среди предрасположенных к нему участников – оно её **повысило**. Республиканские участники, получившие

опровержение утверждения об оружии массового уничтожения в Ираке, демонстрировали **более высокий уровень веры в наличие ОМУ**, чем контрольная группа, не получившая опровержения. Этот феномен Найан и Райфлер называли «эффектом бэкфайра» (*backfire effect*).

Интерпретация была теоретически последовательной: для политически мотивированных участников опровержение, напрямую атакующее политически идентификационное убеждение, запускало **защитную когнитивную обработку** такой интенсивности, что результатом оказывалось не просто сохранение ложного убеждения, а его активное укрепление. Механизм был схематизирован: субъект встречает опровержение – воспринимает его как угрозу политической идентичности – мобилизует контраргументы – в процессе контраргументации дополнительно активирует и укрепляет исходное убеждение – выходит с более интенсивным убеждением, чем до получения опровержения.

Ревизия: универсальность эффекта бэкфайра под вопросом

Научная история эффекта бэкфайра представляет собой характерный пример того, как привлекательная и интуитивно убедительная идея опережает репликационный консенсус. Исследование Вуда и Портера «The Elusive Backfire Effect» (2019, *Political Behavior*) – одно из наиболее масштабных прямых репликационных испытаний – протестировало

52 политических заблуждения на общенациональных выборах и не обнаружило эффекта бэкфайра ни в одном из условий; опровержения последовательно снижали уровень ложных убеждений. Мета-анализ Уолтера и Мёрфи (2018), охвативший 69 исследований, также не выявил общего эффекта бэкфайра и установил среднюю эффективность опровержений с размером эффекта $d = 0,48$ – умеренный, но стабильно позитивный результат.

Сам Найан впоследствии скорректировал интерпретацию собственных данных. В статье в *PNAS* (2021) он признал, что результаты 2010 года были экстраполированы медиа и академическим сообществом за пределы их фактической генерализуемости. Эффект бэкфайра был обнаружен в двух из пяти тестируемых условий, тогда как публичный дискурс усвоил это как универсальный принцип. Более корректный диагноз, по Найану, состоит в следующем: опровержения типично повышают точность убеждений при получении, однако эти эффекты **нестойки** – они не накапливаются, быстро распадаются под давлением партийных элитных сигналов и не достигают аудиторий, наиболее подверженных ложным убеждениям.

Это ревизионистское уточнение, однако, не отменяет главного тезиса – оно его **нюансирует**. Картина становится более сложной и более тревожащей: опровержение не всегда вызывает бэкфайр, но его положительный эффект не накапливается, а ложные нарративы воспроизводятся с такой ча-

стотой и интенсивностью, что баланс неизбежно складывается в пользу устойчивости заблуждений. Соотношение ложных утверждений и опровержений в политическом медиапространстве структурно неблагоприятно для опровержений: первые производятся постоянно всеми акторами, вторые – эпизодически специализированными институтами.

Три контекстуальных условия максимальной поляризации

Синтез литературы позволяет выделить три условия, при которых attitude polarization от разоблачения является наиболее вероятной – и именно в совокупности эти условия описывают типичную политическую коммуникацию.

Условие первое: высокая идентификационная нагруженность убеждения. Когда ложное убеждение интегрировано в политическую или групповую идентичность субъекта, его опровержение воспринимается не как информационная коррекция, а как атака на идентичность. Психологическая реакция – та же, что на угрозу самооценке: защита, а не обновление. Чем теснее убеждение связано с ответом на вопрос «кто я и к какой группе принадлежу», тем интенсивнее защитная обработка опровержения.

Условие второе: воспринимаемая партийная принадлежность источника. Ключевым модератором эффективности фактчекинга является то, кто его производит: если источник опровержения воспринимается как политиче-

ски аффилированный с оппонентом, опровержение воспринимается как политический аргумент, а не как объективная коррекция. Исследование 2025 года на аргентинском материале показало, что прямые опровержения улучшают репутацию фактчекера у тех, чью позицию они подтверждают, но не у тех, против чьей позиции направлены. Контраттитюдинальный фактчекинг меняет воспринимаемую идеологическую позицию фактчекера в сознании аудитории – факт сам по себе разрушительный для pretension на нейтральность.

Условие третье: публичность конфронтации. Разоблачение, произведённое публично, в присутствии группы, повышает ставки идентификационной угрозы: капитуляция перед опровержением означала бы публичное отречение от позиции, связанной с групповой принадлежностью. Именно поэтому наиболее заметные публичные дебаты – теледискуссии, депутатские слушания, пресс-конференции – как правило, укрепляют, а не корректируют позиции сторон: каждый участник говорит не для оппонента, а для «своей» аудитории, которая ждёт от него стойкости, а не открытости.

Продолжение влияния: когнитивный след ложного нарратива

Помимо собственно поляризации, литература фиксирует ещё один феномен, принципиальный для понимания пределов разоблачения: **эффект продолжения вли-**

ния (*continued influence effect*). Суть: даже когда субъект интеллектуально принимает опровержение и перестаёт явно утверждать ложное убеждение, исходный ложный нарратив продолжает влиять на его рассуждения и выводы – иногда сопоставимо с тем влиянием, которое он оказывал до опровержения.

Это означает: опровержение может изменить декларируемое убеждение, не изменив **операционального когнитивного паттерна**. Субъект скажет «нет, я знаю, что это неверно», но при обработке последующей информации продолжит неявно опираться на опровергнутый нарратив как на фоновое объяснение. Механизм объясняется тем, что ложный нарратив, полученный первым, встраивается в уже сложившуюся сеть объяснительных схем – он заполняет «каузальный слот», который не становится пустым от опровержения; он остаётся заполненным, пока не появится альтернативное каузальное объяснение того же события.

Это наблюдение имеет прямое значение для стратегии публичной коммуникации: эффективное опровержение должно не только указывать на ложность нарратива, но и предлагать **альтернативный каузальный нарратив**, заполняющий образовавшийся объяснительный вакуум. Голос «это неверно» не только неэффективен – оно контрпродуктивно, поскольку создаёт когнитивный дискомфорт без его разрешения, побуждая субъекта вернуться к исходному нарративу как к единственному имеющемуся объяснению.

Асимметрия элитных сигналов и поляризация знания

Важнейшее теоретическое расширение рамки attitude polarization предложил Найан в пересмотренной интерпретации (2021): персистентность политических заблуждений объясняется прежде всего не когнитивными ограничениями индивидуального субъекта, а **структурой элитных информационных потоков**. Политические лидеры, медиаорганы и партийные институты непрерывно производят «конгруэнтные» нарративы для своих аудиторий. Коррекции производятся несистематично, охватывают иные аудитории и распадаются без поддерживающего контекста. Даже если отдельный акт фактчекинга корректирует убеждение в момент получения – оно реверсируется при следующем контакте с элитным сигналом, подтверждающим исходный нарратив.

Следствие: поляризация установок является в значительной мере **структурным, а не индивидуальным феноменом**. Она производится не столько когнитивными особенностями аудитории, сколько системой стимулов, в которой политические акторы извлекают выгоду из поддержания ложных нарративов в своих электоральных базах. Именно поэтому Найан заключает: «любая попытка противодействия заблуждениям должна в первую очередь признать роль, которую элиты играют в продвижении ложных убеждений и их

связывании с политической идентичностью людей».

Это наблюдение принципиально для диагностической части данной монографии: поляризация установок не является дефектом эпистемической культуры, который можно исправить лучшим образованием или более качественным фактчекингом. Это функциональный результат политических стимулов, производимых системой, в которой контроль нарратива является ресурсом власти. Иными словами: поляризация установок – это **политический продукт**, а не когнитивный побочный эффект.

В оптике Метафизики удержания: разоблачение как нарративная война

Совокупная картина, вырисовывающаяся из экспериментальной литературы, получает в системе координат Метафизики удержания следующее концептуальное прочтение. Разоблачение лжи, структурированное как предъявление контрфактов оппоненту, воспроизводит **ту же логику закрытия промежутка**, которую оно претендует атаковать. Оно не предлагает открытый промежуток – оно предлагает альтернативное закрытие: «не эта версия реальности, а вот эта».

Именно поэтому разоблачение активирует защитные механизмы, а не открытость: адресат воспринимает его не как приглашение в промежуток нерешённости, а как требование сменить одно закрытое суждение на другое закрытое суждение. Такое требование нарушает идентификационную це-

лостность субъекта – и встречает сопротивление.

Продуктивная альтернатива, следующая из Метафизики удержания, – это не «правда против лжи», а **картографирование условий, при которых данная позиция занята**. Вопрос «из какого места говорит этот субъект, каковы его зависимости, какой промежуток он закрывает» не является атакой на убеждение – он является аналитическим описанием структуры. Он не требует от адресата отречься от идентичности – он предлагает новые инструментальные координаты для самостоятельной ориентации в пространстве. Именно это различие – между разоблачением и картографированием – является операциональным ядром концепции координат объективности, к развёртыванию которой монография переходит в части III.

§2.3. Hostile media effect и «предвзятая объективность»: нейтральность как перцептивный мираж

Параграфы 2.1 и 2.2 описали психологию мотивированного мышления со стороны аудитории и последствия разоблачения на уровне установок. Настоящий параграф смещает угол зрения: от вопроса «как аудитория обрабатывает аргументы» к вопросу «как аудитория воспринимает само медиаосвещение». Ответ, задокументированный в одном из наиболее устойчивых эффектов политической психологии, принципиален для понимания, почему стратегия «объективной, сбалансированной журналистики» как про-

тивовеса лжи структурно обречена на провал: **обе стороны конфликта воспринимают одно и то же нейтральное освещение как предвзятое в пользу противника** – одновременно и симметрично.

Vallone, Ross, Lepper (1985): феномен враждебного медиа

Этот феномен был впервые экспериментально задокументирован Робертом Валлоне, Ли Россом и Марком Леппером в 1985 году – теми же исследователями, которые годом ранее описали *attitude polarization*. Дизайн был элегантно прост: участникам – сторонникам Израиля и сторонникам арабской стороны – показывали **идентичные** записи крупнейших американских телеканалов, освещавших резню в Бейруте (1982). Фиксировалась оценка освещения – насколько предвзятым, несправедливым и враждебным участники считали увиденное.

Результат оказался структурно симметричным: обе группы оценили одни и те же программы как **предвзятые против их стороны**. Провластная группа считала покрытие антиизраильским; проарабская – антиарабским. Этот результат сам по себе уже был парадоксом: если оба лагеря видели в одном материале *bias* в противоположных направлениях, то либо освещение было одновременно *pro-Israeli* и *pro-Arab*, что невозможно, – либо предвзятость существовала не в материале, а в восприятии.

Авторы предложили два механизма, действующих одновременно. **Первый** – когнитивный: партизанские зрители оценивали репрезентативность выборки фактов и аргументов исходя из собственных убеждений о том, каким должен быть «объективный» материал. Поскольку убеждения диктуют, какой баланс является «справедливым», нейтральный материал неизбежно воспринимается как нарушающий этот баланс в пользу противника. **Второй** – перцептивный: участники буквально воспринимали и вспоминали содержание материала по-разному – каждая группа «замечала» больше негативных отсылок к своей стороне, чем к противоположной. Это не интерпретационная надстройка поверх одинакового восприятия – это **различное перцептивное содержание** при идентичном входном сигнале.

Принципиально важная деталь: **большая осведомлённость о конфликте усиливала эффект**, а не снижала его. Знание давало больше концептуальных ресурсов для категоризации медиасодержания как hostile – точно так же, как в исследовании Табера и Луджа оно давало больше ресурсов для контраргументации.

Механизм: четыре компонента hostile media perception

Пол Перлофф систематизировал накопленную к середине 2010-х литературу и выделил четыре психологических механизма, посредством которых производится hostile media

perception (HMP):

- **Selective recall** – партизанские зрители более интенсивно запоминают фрагменты, противоречащие их позиции, чем подтверждающие: в памяти сохраняется непропорционально много «враждебного» содержания.

- **Selective categorization** – одни и те же факты категоризируются по-разному: то, что сторонники позиции А считают нейтральным описанием, сторонники позиции Б классифицируют как нападку на свою сторону.

- **Different standards** – партизаны применяют разные стандарты достоверности к про- и контраттитудинальным утверждениям в одном материале: то, что подтверждает позицию, принимается без критики; то, что её оспаривает, квалифицируется как ненадёжное.

- **Prior beliefs about media bias** – у партизанов существуют устойчивые предварительные убеждения о том, что медиа в принципе предвзяты против их стороны; новый материал интерпретируется через эту генерализированную установку.

Эти четыре механизма работают **конвергентно**: они независимо друг от друга направлены к одному выводу – «этот материал враждебен по отношению ко мне». Совместное действие делает hostile media perception экстремально устойчивым к контрвидениям: даже если партизанскому зрителю указать на конкретные примеры «объективного» освещения, он воспринимает их как исключения, подтверждающие предвзятость остального.

Relative hostile media effect: поляризованные СМИ не решают проблему

Ранние исследования НМР работали с намеренно нейтральными материалами. По мере фрагментации медиапространства возникли исследования, изучающие восприятие **явно предвзятых** материалов партизанами противоположной стороны. Результаты составляют «относительный» hostile media effect: обе стороны признают предвзятость материала, однако сторона, против которой направлена предвзятость, **воспринимает её как значительно большую**, чем та, в пользу которой она направлена.

Более того, исследование Гласса и коллег (2000) обнаружило инверсию: «партизаны склонны воспринимать объективно предвзятые статьи как „беспристрастные“, если предвзятость направлена против группы оппонентов». Иными словами, не только нейтральный материал воспринимается как враждебный – но и откровенно предвзятый в свою пользу материал воспринимается как нейтральный. Категория «объективности» в восприятии аудитории **является функцией соответствия материала её убеждениям**, а не функцией реальной методологической характеристики материала.

Это наблюдение разрушает наивно нормативный ответ на проблему постправды: «если медиа станут более объективными, аудитория их примет как объективные». Нет:

НМР гарантирует, что объективный материал будет восприниматься предвзятым теми, чья позиция в нём оспорена – независимо от реальных стандартов работы редакции. Более качественная журналистика не снимает hostile media perception; она лишь изменяет, в каких конкретных точках партизаны будут локализовывать воспринимаемую враждебность.

Следствие для отношений между политиками и медиа: исследование, проведённое на выборке 183 бельгийских политиков, показало, что они **в целом склонны воспринимать медиасреду как немного враждебную своей партии**. Качественные, «элитные» издания воспринимались как более враждебные, чем таблоиды (разница – 13% на 11-балльной шкале); издания, не ориентированные на «свою» аудиторию, воспринимались враждебнее на 21%. Принципиально: авторы установили, что это восприятие является не только стратегическим риторическим инструментом, но и реальным феноменом, определяющим поведение политиков по отношению к медиа – с кем они взаимодействуют, кому предоставляют информацию, кого бойкотируют.

Mothes (2017): «предвзятая объективность»

Исследование Корнелии Мотес, опубликованное в *Journalism & Mass Communication Quarterly* в 2017 году, предложило концептуальную модель, которая синтезирует НМР и confirmation bias и позволяет ответить на вопрос, что

именно аудитория считает «ценной» информацией.

Мотес провела квази-эксперимент с участием **430 журналистов и 432 граждан** в Германии. Участникам предъявлялись новостные материалы, варьировавшиеся по двум параметрам: (1) воспринимаемая объективность (по стандартам качества журналистики) и (2) attitude consistency – совпадение или несовпадение содержания с предшествующей позицией участника. Измерялась воспринимаемая информационная ценность материала.

Модель «biased objectivity», которую тестировало исследование, предсказывала: **максимальную воспринимаемую ценность будет иметь материал, одновременно воспринимаемый как объективный и совпадающий с установками участника.** Иными словами – материал, который «выглядит как беспристрастная журналистика» и при этом подтверждает то, во что читатель уже верит.

Результаты подтвердили модель: оба параметра – воспринимаемая объективность и attitude consistency – независимо повышали воспринимаемую информационную ценность. Однако ключевой результат состоял в следующем: **воспринимаемая объективность медиировала эффект attitude consistency.** Это значит: конгруэнтный материал ценился выше частично потому, что его конгруэнтность делала его *воспринимаемым* как более объективным – и именно эта воспринимаемая объективность затем повышала его ценность.

Механизм, зафиксированный Мотес, является инверсией того, что обычно ожидают от объективности как нормативного стандарта. Вместо того чтобы объективность служила противовесом предвзятости, она становится **транспортным средством предвзятости**: конгруэнтный нарратив «одевается» в форму объективного репортажа – и именно в этой форме производит максимальный убедительный эффект. Аудитория, убеждённая в объективности материала, принимает его некритически (как показали Taber и Лодж) – и именно поэтому материал, сочетающий видимость объективности и конгруэнтность позиции, является наиболее мощным инструментом закрепления установок.

Принципиально важно, что эффект **не различался между журналистами и гражданами**: профессиональная самоидентификация с нормой объективности не защищала журналистов от *biased objectivity* эффекта. Журналисты подчинялись той же логике восприятия, что и их аудитория, – что подтверждает системный, а не индивидуальный характер феномена.

Консеквенция: «нейтральность» как несуществующий объект

Совокупность результатов по *hostile media effect* и *biased objectivity* создаёт неудобный теоретический итог для нормативных концепций журналистики, строящихся на принципе нейтральности или объективности как гарантии доверия.

Первое: нейтральный материал воспринимается как предвзятый теми, чья позиция в нём оспаривается, – без какой-либо возможности для журналиста предотвратить это восприятие методологическими усилиями.

Второе: претензия на объективность не отключает, а активирует confirmation bias – поскольку аудитория воспринимает «объективный» конгруэнтный материал как доказательство того, что «факты на нашей стороне».

Третье: обвинение медиа в предвзятости, производимое политическими акторами, опирается на реальный психологический субстрат – НМР – и потому является рационально обоснованным с точки зрения партизанской когниции, даже если оно стратегически используется как риторическое оружие.

Из этих трёх консеквенций следует, что «объективная журналистика» как защита от лжи является в значительной мере нормативным конструктом, не имеющим устойчивого психологического референта в реальной аудитории. Аудитория не воспринимает «объективность» – она воспринимает «объективность-для-меня» или «объективность-против-меня». Стандарты Липпмана о методологической объективности, на которые профессиональная журналистика опирается с начала XX века, задают нормы производства материала, а не его восприятия.

В оптике Метафизики удержания: объективность

как претензия на закрытие

Модель «предвзятой объективности» Мотес описывает то, что в системе Метафизики удержания является **наиболее изощрённой формой принудительного закрытия промежутка**: закрытие, производимое под маской открытости.

Материал, претендующий на нейтральность, совершает двойной онтологический жест. Содержательно – он может закрывать промежуток вполне обычными способами (selective truth, narrative foreclosure). Но **форма претензии на объективность добавляет второй уровень закрытия**: она исключает саму возможность критики позиции, поскольку позиция как бы отсутствует – «мы просто сообщаем факты». Там, где открыто ангажированный голос делает промежуток видимым (он говорит «из места», у него есть координаты), нейтральный голос **скрывает место своего говорения** и тем самым лишает аудиторию инструментов для ориентации.

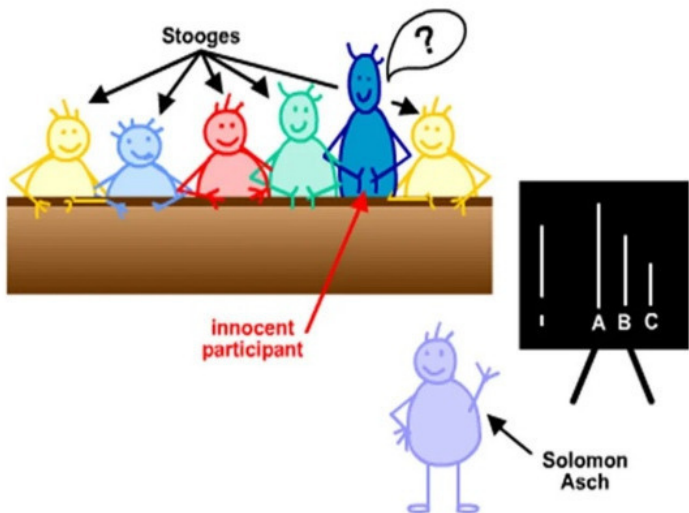
Именно поэтому концепция координат объективности, разрабатываемая в части III монографии, принципиально отличается от требования нейтральности. Она не требует «ниоткуда» – она требует прозрачности **откуда именно**: какова структура зависимостей, каков диапазон тематических зон, в которых позиция агента определяется этими зависимостями, а в каких он относительно свободен. Это предложение не нейтрального наблюдателя, а **картографически лока-**

лизованного голоса, чья позиция известна – и именно поэтому её можно принять в расчёт при обработке произведённых им суждений.

§2.4. Конформизм и цифровое зомбирование: от эксперимента Аша к алгоритмическому большинству

Три предыдущих параграфа исследовали те психологические механизмы, посредством которых отдельный субъект обрабатывает политическую информацию: confirmation bias, disconfirmation bias, attitude polarization, hostile media perception. Общим знаменателем всех этих механизмов является **индивидуальная когниция** как единица анализа. Настоящий параграф смещает масштаб: от психологии отдельного субъекта к **механике социального давления**, которое формирует само перцептивное поле, внутри которого индивидуальная когниция работает. Серия экспериментов Соломона Аша – один из наиболее тревожащих результатов в истории социальной психологии – показывает, что группа способна заставить индивида отречься от очевидно правильного суждения, которое он видит собственными глазами. Цифровое медиапространство воспроизводит механику Аша в масштабе, который сам Аш не мог себе представить.

Asch Conformity Experiment

Эксперимент Аша: ключевые параметры

Соломон Аш провёл свои первые эксперименты по конформизму в 1951 году, опубликовав развёрнутые результаты в 1955—1956 гг.. Дизайн был намеренно построен на задаче, не допускающей разумных разногласий: испытуемому предъявлялась линия-эталон и три линии для сравнения, одна из которых была явно, зримо равна эталону – ошибка на 1,5—3 сантиметра невозможна при нормальном зрении. В каждой группе находился один реальный участник; остальные 6—8 человек были ассистентами, получавшими инструкцию в определённых раундах единогласно называть

неправильную линию.

Результаты обескуражили самого исследователя. В контрольных условиях (без ассистентов) частота ошибок составляла менее 1% – задача действительно элементарна. В экспериментальных условиях около **75% участников конформировали хотя бы в одном раунде**, а 36,8% всех ответов в критических раундах были конформными – то есть воспроизводили очевидно неправильный ответ большинства. Лишь 25% участников вообще не поддались давлению на протяжении всего эксперимента.

Аш с удивлением констатировал: многие участники, давая неправильный ответ, **в действительности верили в его правильность** – по крайней мере, так сообщали после эксперимента. Это принципиально: конформизм не ограничивается публичной капитуляцией при сохранении частного убеждения. Групповое давление переформатирует сам перцептивный опыт субъекта – «ассистенты видят иначе, значит, я должен смотреть неправильно».

Три структурных детали с далеко идущими следствиями

Аш варьировал параметры и фиксировал, как меняется уровень конформизма, – и три его находки являются ключевыми для понимания цифровой трансформации этого феномена.

Первое: размер большинства и точка насыщения.

Конформизм рос с увеличением числа ассистентов, но достигал насыщения при 3—4 членах большинства. Дополнительные голоса сверх этого порога практически не увеличивали конформизм. Следствие принципиально: **не нужно реального большинства** – достаточно устойчивого, единогогласного кворума из трёх-четырёх источников, чтобы запустить полный конформный эффект.

Второе: единогласие решает всё. Введение одного несогласного ассистента – одного, который называл правильный ответ, – снижало конформизм **на 80%**, до уровня 5—10%. Даже если этот союзник называл неправильный ответ, но иной, чем большинство, эффект конформизма резко падал. Это означает: **разрушение видимого единогласия является наиболее эффективным средством сопротивления конформному давлению** – значительно более эффективным, чем апелляция к фактам или логическим аргументам.

Третье: задачная неопределённость усиливает конформизм. Когда Аш делал линии менее контрастными, ошибку сложнее заметить – уровень конформизма возрастал. Чем менее уверен субъект в собственном суждении, тем сильнее он опирается на мнение группы как на информационный ориентир. Именно в условиях неопределённости – а политические суждения в большинстве случаев представляют собой именно такие условия – конформное давление наиболее результативно.

Репликационное исследование 2023 года подтвердило: на выборке с политическими утверждениями, а не физическими стимулами, **уровень конформизма 33% воспроизводится** – и коррелирует с потребностью в социальном одобрении, но не с интеллектом или самооценкой.

Цифровой масштаб: алгоритмические ассистенты Аша

Аш описал экспериментальную ситуацию, в которой реальный участник оказывается лицом к лицу с шестью ассистентами в одной комнате. Современное цифровое медиaproстранство воспроизводит эту структуру с принципиальными отличиями, каждое из которых **усиливает**, а не ослабляет конформный механизм.

В эксперименте Аша испытуемый видел людей – он мог интерпретировать их поведение, замечать признаки неискренности, подозревать сговор. В информационном пузыре пользователь **не видит ассистентов**: он видит «весь мир». Алгоритм соцсетей YouTube, TikTok или Twitter/X отбирает контент для показа, не объясняя критериев выборки. Пользователь видит: «это трендит», «большинство думает так», «это очевидно» – не подозревая, что «большинство», с которым он встречается, есть конструкция алгоритмической фильтрации, оптимизированной под его предшествующие предпочтения.

Эли Паризер в книге «The Filter Bubble» (2011) за-

фиксировал этот механизм как «невидимое алгоритмическое редактирование сети». Два пользователя, ищущие «BP» в Google, получали принципиально разные результаты: один – финансовые новости, другой – информацию о катастрофе *Deepwater Horizon*. Принципиально здесь не различие результатов, а то, что ни один из пользователей **не знал об этом различии** и воспринимал собственные результаты как объективную картину доступной информации.

Астротёрфинг: производство искусственного единогогласия

Эффект Аша показал: единогогласие большинства является решающим параметром. Именно это знание лежит в основе технологии **астротёрфинга** (*astroturfing*) – координированных информационных кампаний, имитирующих органическое общественное мнение. Термин – метафора: искусственная «трава корней» вместо реального grassroots движения.

Цифровой астротёрфинг определяется исследователями как «форма сфабрикованной, вводящей в заблуждение и стратегической нисходящей деятельности в интернете, инициированной политическими акторами, имитирующей восходящую активность автономных граждан». Ключевой элемент – **мимикрия**: аккаунты, управляемые централизованно (людьми, ботами или их комбинацией), имитируют независимые гражданские голоса.

Механизм действия на конформность аудитории описан в исследовании Кокоборо и коллег: **подложные комментарии пользователей под новостными материалами** (инструмент, широко применявшийся в европейских и американских избирательных кампаниях) смещали оценки «публичного мнения» у читателей, причём этот сдвиг в значительной мере воспроизводил механизм Аша: «я вижу, что большинство думает именно так». Не факты в тексте статьи – а имитация консенсуса в комментариях – оказалась более мощным фактором общественного мнения.

Современные кампании скоординированного неаутентичного поведения (*Coordinated Inauthentic Behavior, CIB*) действуют в трёх режимах:

- **Инфильтрация**: создание правдоподобных аккаунтов, встраивающихся в целевые сообщества и накапливающих доверие прежде, чем начать распространять целевой контент.

- **Обман**: размещение эмоционально заряженного, политически конгруэнтного для целевой аудитории контента, максимизирующего репосты.

- **Флудинг**: массированное наводнение информационного пространства определённым нарративом, создающее видимость доминирующего консенсуса.

Исследование 2025 года по кросс-платформенной координации в период выборов обнаружило «существенную внутрисплатформенную и кросс-платформенную координацию».

рованную неаутентичную активность, продвигающую высокопартийный, низкокредитабельный контент». Исследование 2022 года на основе 1,4 миллиона твитов о британских выборах 2019 года показало, что координированные аккаунты **значительно эффективнее** некоординированных в проникновении в алгоритмические каскады распространения – именно потому, что их синхронность имитирует органический вирусный тренд.

Эффект пузыря: когда алгоритм становится экспериментатором

Ключевое отличие цифрового конформного давления от лабораторной ситуации Аша состоит в следующем. В эксперименте Аша был **один экспериментатор и один участник**, знавший, что находится в нестандартной ситуации (хотя и не знавший её истинного смысла). В информационном пузыре роль экспериментатора выполняет алгоритм, невидимый и неидентифицируемый как таковой, – и участник не только не знает о существовании нестандартной ситуации, но **уверен, что находится в нормальной**.

Именно это Паризер имел в виду, характеризуя filter bubble как угрозу гражданскому дискурсу: «пользователи получают меньше воздействия конфликтующих точек зрения и оказываются интеллектуально изолированными в своём информационном пузыре». Однако последующие исследования потребовали нюансировки этого тезиса. Мета-ана-

лиз Рейтерского института (2022) установил, что эмпирические свидетельства существования filter bubbles как технически замкнутых информационных пространств значительно скромнее, чем предполагалось. Исследование Бруна фиксирует парадокс: там, где filter bubbles слабы технически, поляризация сохраняется – из чего следует, что она обусловлена **не алгоритмической фильтрацией, а предсуществующими взглядами и нежеланием взаимодействовать с иными источниками.**

Это уточнение принципиально: конформный механизм производится не только алгоритмами, но и **самим поведением пользователей** – confirmation bias, описанный Табером и Лоджем, является самостоятельным мотором формирования пузыря. Алгоритм усиливает уже существующие тенденции к информационной самоизоляции; он не создаёт их из ничего. Исследование 2025 года показало: около 34% взаимодействий в Твиттере были кросспартийными – что свидетельствует о проницаемости пузырей. Однако эти взаимодействия были **значительно более токсичными**, чем внутрипартийные. Таким образом: пузыри проницаемы, но пересечение их границ производит конфликт, а не диалог – что само по себе является стимулом вернуться внутрь.

Синтез: три слоя цифрового зомбирования

Интеграция механики Аша с технологиями фильтрации и астротёрфинга позволяет описать три слоя того, что в за-

главии параграфа названо «цифровым зомбированием» – метафорой, обозначающей состояние информационной автономии, редуцированной до нуля при сохранении субъективного ощущения свободного суждения.

Слой первый: алгоритмическое большинство. Пользователь видит не «весь мир» – он видит алгоритмически отобранный срез, смещённый в сторону конгруэнтного контента. Субъективно это неотлично от «большинства мнений»: именно эту функцию выполняли ассистенты Аша, которых участник воспринимал как реальных людей с реальными суждениями.

Слой второй: астротёрфинговое единогласие. Внутри этого уже смещённого информационного поля действуют координированные кампании, имитирующие органический консенсус – они устраняют «диссидентов», разрушение единогласия которых, как показал Аш, снижает конформизм на 80%. Без видимых несогласных аудитория оказывается перед искусственно созданным единогласием – в точности воспроизводящим критическое экспериментальное условие.

Слой третий: нейро-инфраструктурное подкрепление. Алгоритмы оптимизированы на **вовлечённость** (*engagement*) – то есть на контент, вызывающий наиболее интенсивные эмоциональные реакции. Эмоционально заряженный контент является, согласно модели Лоджа и Табера, тем, который запускает аффективный первичный процессор наиболее мощно – то есть максимально блокирует

открытую когнитивную обработку. Алгоритм, оптимизирующий engagement, тем самым функционально оптимизирует **закрытость промежутка** у пользователя.

В оптике Метафизики удержания: невидимый экспериментатор

В системе координат Метафизики удержания цифровое зомбирование описывается как **инфраструктурное закрытие промежутка без субъектного агента закрытия**. В классической лжи был субъект – тот, кто сознательно закрывал промежуток. В постправде Макинтайра была стратегия – целенаправленное разрушение инструментария различия. В цифровом зомбировании закрытие производится **системой без умысла** – алгоритмом, оптимизирующим engagement, не преследуя сознательной цели эпистемической деградации аудитории.

Это наиболее труднее атакуемая форма закрытия: у неё нет лжеца, которого можно разоблачить, нет стратега, которого можно идентифицировать, нет нарратива, который можно опровергнуть. Есть система, производящая конформность как побочный эффект оптимизации рекламной выручки.

Именно поэтому противодействие этой форме закрытия требует ответа на уровне **инфраструктуры эпистемической ориентации**, а не уровне содержания. Концепция координат объективности в этом контексте работает как **ме-**

тод разрушения видимого единогласия: когда пользователь получает не «правильный ответ против неправильно-го», а инструмент для идентификации позиции каждого источника в пространстве зависимостей – он приобретает аналог «союзника» из эксперимента Аша, разрушающего видимое единогласие. Один правильно помеченный «голос несогласного» снижал конформизм Аша на 80%. Один картографически прозрачный источник в информационном пузыре выполняет ту же функцию: он не разоблачает ложь – он разрушает иллюзию единогласия, которая и является подлинным механизмом зомбирования.

§2.5. Метафизика удержания: почему удержание – это антидот конформизма

Глава 2 последовательно выстраивала диагноз, каждый параграф которого добавлял новый слой к картине эпистемической несвободы. Confirmation bias и disconfirmation bias (§2.1) показали, что отдельный субъект систематически защищает предшествующие убеждения от неудобной информации – и чем он осведомлённее, тем эффективнее это делает. Поляризация установок (§2.2) показала, что разоблачение лжи с высокой вероятностью укрепляет её. Hostile media effect и biased objectivity (§2.3) установили, что сама категория «объективного освещения» является психологически нестабильной: аудитория воспринимает нейтральный материал как враждебный, и именно видимость объективности

является наиболее эффективным транспортом конгруэнтного нарратива. Наконец, §2.4 показал, что всё это работает в цифровой среде, которая структурно воспроизводит механику Аша в планетарном масштабе – превращая алгоритмически сконструированное «большинство» в невидимого экспериментатора.

Если все эти диагнозы точны, то напрашивается вопрос, который редко ставится явно: **что именно является антидотом?** Стандартные ответы – медиаграмотность, улучшение образования, более качественный фактчекинг, регулирование платформ – каждый по-своему правдоподобен и каждый по-своему недостаточен. Медиаграмотность не устраняет *motivated reasoning* – Taber и Лодж показали, что образованный человек более предвзят. Фактчекинг не разрушает искусственного единогласия – он является ещё одним голосом, легко дискредитируемым как «ещё один нарратив». Регулирование платформ работает на уровне инфраструктуры, но не на уровне психологической способности субъекта удерживать промежуток. Концепт **удержания** предлагает ответ на ином уровне – не информационном, а онтологическом.

Диагностический итог: что именно конформизм разрушает

Чтобы понять, почему удержание является антидотом, необходимо прежде точно определить, что именно конфор-

мизм – в его классической ашевской форме и в цифровой – разрушает. Ответ не очевиден: кажется, что конформизм разрушает правильное суждение, правду, объективность. Но это неточно.

В эксперименте Аша испытуемый, называвший неправильную линию, не утрачивал **способности видеть**: линии оставались теми же, что и были. Он утрачивал нечто иное – **доверие к собственному перцептивному опыту как источнику суждения**. Давление группы не изменяло входные данные; оно изменяло **эпистемический статус** этих данных в сознании субъекта: «я, возможно, вижу неправильно», «шесть человек не могут ошибаться», «моё суждение ненадёжно». Субъект продолжал видеть правильную линию – и переставал ей доверять.

Именно это и является тем, что конформизм разрушает: **право субъекта опираться на собственное суждение как на эпистемически легитимный источник**. Не истину – она никуда не девается – а **собственный эпистемический авторитет в отношении своего опыта**. И именно это, а не правильное содержание суждения, является тем, что необходимо защитить.

Удержание как эпистемическая позиция, а не содержание убеждения

В системе Метафизики удержания это различие является принципиальным. Большинство предлагаемых антидо-

тов конформизму направлены на **содержание убеждений**: дать правильную информацию, опровергнуть ложную, обеспечить доступ к надёжным источникам. Удержание направлено на нечто иное – на **сохранение эпистемической позиции субъекта** по отношению к своим суждениям независимо от их конкретного содержания.

Удержание промежутка – это сохранение за собой права сказать: «я не уверен», «это суждение не является для меня окончательным», «я вижу основания для иной интерпретации» – **под давлением консенсуса**, который требует окончательного суждения здесь и сейчас. Это не скептицизм в пирроновском смысле – не общая позиция воздержания от всех суждений. Это **локальная и активная защита открытости** в конкретных точках, где давление закрытия наиболее интенсивно.

Этот концепт имеет близкие аналоги в нескольких традициях, хотя ни одна из них не формулирует его в той же операциональной форме. Кантовское «*sapere aude*» – «осмелюсь знать», требование пользоваться собственным разумом без руководства извне – является его ближайшим нормативным предшественником. Однако кантовский императив направлен против авторитетных *институтов* (церкви, государства) и предполагает замену их суждений собственным разумом. Удержание в Метафизике удержания направлено против более тонкого давления – **давления консенсуса**, которое воспринимается не как внешний авторитет, а как «само собой

разумеющееся», «очевидное для всех», «здравый смысл». Это значительно труднее опознать как внешнее принуждение.

Негативная способность (*negative capability*) Китса – «способность быть в состоянии неопределённостей, тайн, сомнений, не раздражённым стремлением к факту и разуму» – ближе к интуиции удержания. Китс говорил о художественном и интеллектуальном качестве, Метафизика удержания делает из него **политическую и медиапсихологическую категорию**: способность оставаться в промежутке под давлением, требующим его немедленного закрытия.

Почему «знание правды» недостаточно

Принципиальный тезис настоящего параграфа состоит в следующем: в условиях, описанных в §§2.1—2.4, «знание правды» не является устойчивым основанием сопротивления конформизму. Это требует пояснения, поскольку противоречит наиболее распространённой интуиции.

Во-первых: **правда сама находится под давлением**. Hostile media effect показал: то, что субъект воспринимает как «правду», структурировано его предшествующими убеждениями и аффективными реакциями в той же мере, что и то, что он считает «ложью». «Знание правды» в политическом контексте в значительной мере означает «владение версией, конгруэнтной моей идентичности» – именно это делает его политически mobilizable, но не делает эпистемиче-

ски стабильным.

Во-вторых: **правда не является инструментом для разрушения иллюзии единогласия**. В эксперименте Аша союзник, который разрушал конформный эффект на 80%, не знал «правды» лучше остальных – он просто называл **иной** ответ, отличный от единогласия большинства. Разрушал конформизм не правильный ответ, а **видимое несогласие**. Это означает: в условиях цифрового астротёрфинга главным ресурсом является не доступ к «правильной» информации, а способность опознать иллюзию единогласия и **отказаться принимать её за норму**.

В-третьих: **продолжение влияния** (§2.2) показало, что даже принятое интеллектуально опровержение не устраняет когнитивного следа ложного нарратива. «Знание правды» о конкретном факте не устраняет схем, в которые ложный нарратив был интегрирован. Удержание промежутка, напротив, работает на уровне **схем**: оно не заполняет каузальный слот альтернативным нарративом – оно оставляет его открытым, что само по себе является защитой от реколонизации ложным нарративом.

Единственный союзник в эксперименте Аша: структурная аналогия

Одна из наиболее глубоких импликаций эксперимента Аша – та, о которой редко говорят в контексте медиаграмотности: эффективным защитником от конформизма оказал-

ся **не правильный ответ**, а **разрыв единогласия**. Достаточно было одного человека, называвшего любой другой ответ, – и уровень конформизма падал с 37% до 5—9%.

Это имеет прямую операциональную импликацию для концепции координат объективности. Если цель – не победа «правильного нарратива» над «ложным», а **сохранение психологической способности субъекта удерживать промежуток**, – то главным инструментом является обеспечение **видимости альтернативной позиции**. Не обязательно правильной – достаточно *другой*, достаточно **из другого места** в пространстве зависимостей.

Именно это даёт картографирование координат объективности, а не фактчекинг: оно не говорит «вот правильный ответ», оно говорит «вот откуда этот голос, вот его зависимости, вот другой голос из другого места с другими зависимостями». Это и есть цифровой аналог союзника Аша – не истина, а **видимость гетерогенности позиций**, разрушающая иллюзию принудительного единогласия.

Удержание как практика, а не как состояние

Метафизика удержания принципиально настаивает на **практическом измерении** концепта: удержание промежутка – это не пассивная открытость, не темперамент и не врождённое качество. Это **активная практика**, требующая усилия, особенно в условиях давления. Аш показал, что 25% участников не поддавались конформизму вообще.

Что отличало их от остальных? Интервью после эксперимента показали: они не «знали правильный ответ лучше» – они опирались на принцип: **«я должен говорить то, что вижу, независимо от того, что говорят другие»**.

Это принцип, а не знание. Это **удержание права на промежуток как на что-то, от чего нельзя отречься под групповым давлением**. В медиапсихологическом контексте это переводится в следующую практическую норму: субъект, сохраняющий эпистемическую автономию в цифровой среде, – это не тот, кто знает «правду» (это эфемерное и партийно нагруженное понятие), а тот, кто **систематически отказывается принимать консенсус за аргумент**.

Отказ принять консенсус за аргумент не означает отказа от любых суждений. Он означает: убеждение должно опираться на **идентифицируемые основания**, а не на «все так думают», «это очевидно», «так говорят все приличные издания». Это ровно то, что Кант имел в виду под «собственным разумом» в «Ответе на вопрос: что такое Просвещение?» – и что оказывается значительно труднее выполнить в мире, где «приличные издания» являются алгоритмически таргетированными и астротёрфингово подкреплёнными.

Связь с предыдущими разделами: промежуток как политический жест

В части I настоящей монографии промежуток был описан как онтологическая категория: пространство, в котором

истина может возникнуть как результат честного процесса. Глава 2 добавляет к этому психологическое измерение: промежуток не является естественным состоянием – он является **достижением**. Его нужно удерживать против постоянного давления закрытия: аффективного (disconfirmation bias), социального (конформизм), инфраструктурного (алгоритмические пузыри) и стратегического (астротёрфинг, постправда).

Это делает удержание промежутка **политическим жестом** – не только эпистемическим. В условиях, где власть опирается на производство принудительного единогласия (будь то тоталитарная пропаганда Арендт или цифровой астротёрфинг), отказ закрывать промежуток является актом сопротивления структуре, которая его закрывает. Человек, говорящий «я не уверен», «я вижу основания для иной интерпретации», «это консенсус, но не аргумент» – совершает тот же жест, что союзник Аша: он разрушает видимость единогласия, на которой строится вся механика принудительного закрытия.

Именно поэтому концепция координат объективности, разрабатываемая в части III, является прежде всего инструментом **поддержки этой практики** в публичном дискурсе – а не инструментом идентификации лжецов. Карта зависимостей и ангажированности не говорит «этот журналист лжёт». Она говорит: «у этого журналиста – такие координаты, у того – другие; между ними – промежуток». Этот проме-

жуток и является тем пространством, в котором аудитория может удерживать собственную эпистемическую позицию – не поглощённую ни одной из сторон и не вынужденную выбирать между двумя принудительными закрытиями, маскирующимися под «истину» и «ложь».

Глава 3. Социология знания: почему ангажированность неустранима

§3.1. Карл Мангейм: реляционизм versus релятивизм

Если главы 1 и 2 выстраивали диагноз со стороны феноменологии политической лжи и психологии мотивированного мышления, то глава 3 обращается к вопросу, который лежит в основании всей монографии: **является ли ангажированность – принципиальная, неустраняемая позиционированность субъекта – пороком или условием?** Ответ, который западная интеллектуальная традиция давала на этот вопрос, нередко сводился к формуле: ангажированность является отклонением от нормы объективности, а задача научного и журналистского познания – нейтрализовать её до нуля. Карл Мангейм предложил принципиально иную интерпретацию, и именно эта интерпретация образует теоретический фундамент части III данной монографии. Ангажированность – неустранима. Но это не заявление о пределах познания: это заявление о его **природе**. И именно из этой природы вытекает операциональный инструментарий кон-

цепции координат объективности.

Интеллектуальный контекст: от Маркса к Мангейму

Дисциплина, которую Мангейм разрабатывал в «Идеологии и утопии» (1929) – *Wissenssoziologie*, социология знания, – опиралась на марксистскую идею об обусловленности идей классовыми интересами, но принципиально выходила за её пределы. Маркс утверждал: то, что господствующий класс называет «истиной», является идеологическим прикрытием его материальных интересов. Это была частичная, «особенная» концепция идеологии – разоблачение конкретного враждебного суждения как ложного по своей классовой природе. Мангейм сделал шаг, который логически опрокидывал всю марксистскую критику: он распространил идею социальной обусловленности знания на **тотальную идеологию** – включая критическую позицию самого наблюдателя. Если буржуазное знание обусловлено классовым интересом буржуазии, то марксистская критика этого знания обусловлена классовым интересом пролетариата. Нет привилегированной точки «вне» – нет наблюдателя без позиции.

Эта радикализация вела к немедленному эпистемологическому кризису: если всякое знание социально обусловлено, то как возможна какая-либо объективность? Именно здесь Мангейм произвёл то разграничение, которое является центральным для всей его теоретической системы и которое на-

прямую питает концепцию координат объективности настоящей монографии.

Принципиальное разграничение: реляционизм ≠ релятивизм

Мангейм сам формулирует это разграничение с предельной явностью, признавая при этом, что оно является наиболее уязвимым местом его системы:

«Релятивизм – это позиция, из которой при поверхностном взгляде легко вывести неустрашимость иррационального и невозможность объективного знания. Реляционизм – это позиция, согласно которой знание всегда знание с определённой точки зрения; это не делает его менее знанием, но требует всегда соотносить его с позицией, из которой оно производится».

Различие между двумя позициями можно схематизировать следующим образом.

Релятивизм утверждает: поскольку всякое знание производится из конкретной позиции, и поскольку все позиции равноценны, – истина как таковая недостижима, всякое знание «правда для данной позиции» и не более. Это ведёт к интеллектуальному параличу: если истина недостижима, зачем вообще производить знание? Релятивизм деструктивен.

Реляционизм утверждает нечто иное и значительно более конструктивное: знание всегда реляционально – то есть

оно всегда **связано** с конкретной социально-исторической позицией, из которой производится. Это не отменяет истину – это **переопределяет условия её достижения**. Истина достигается не устранением позиционированности (что невозможно), а **прозрачностью относительно неё** и последующим синтезом частичных перспектив в более полную картину.

Метафора, которую сам Мангейм использует, чрезвычайно точна: наблюдатель на движущейся лестнице видит мир иначе, чем наблюдатель на статичной платформе. Это не значит, что один из них «видит неправильно» – это значит, что **обоим нужно знать, на какой лестнице и в каком направлении они движутся**, чтобы интерпретировать своё восприятие корректно. Несообщение о скорости и направлении движения – и есть эпистемическая нечестность.

Три ключевых тезиса «Идеологии и утопии»

Операциональная конструкция реляционизма в главной работе Мангейма строится на трёх взаимосвязанных тезисах.

Тезис первый: существенная детерминация знания (*Seinsverbundenheit des Wissens*). Знание в гуманитарных и социальных науках – в отличие от формальных дисциплин – не является экстра-социальным. Подход к проблеме, уровень её формулировки, степень абстракции, выбор кон-

цептуального аппарата – всё это детерминировано социально-историческим бытием познающего субъекта. Это не означает «ложности» – это означает «датируемости»: как произведение искусства несёт в себе черты своей эпохи, так и знание несёт в себе черты социальной позиции своего производителя. Мангейм называет это **perspectivism** – перспективизм: у каждой социальной позиции есть своя перспектива, то есть своя система первичных категорий, через которые мир воспринимается и концептуализируется.

Принципиально то, что Мангейм, в отличие от Маркса, **не ограничивает детерминацию классом**. Помимо классовой позиции, детерминирующими являются: поколение (*generation*), профессиональная среда, национальная культура, религиозная традиция, географическое положение. Для настоящей монографии это принципиально: ангажированность журналиста или политика – не просто функция экономических интересов, а многомерная координатная система, включающая все эти параметры одновременно.

Тезис второй: тотальная идеология как аналитический инструмент, а не обвинение. Расширение понятия идеологии с «особенного» (конкретное ложное утверждение, выгодное конкретному актору) до «тотального» (вся система категорий и форм мышления, характерная для данной социальной позиции) является принципиальным методологическим сдвигом. Когда мы говорим о «тотальной идеоло-

гии» мыслителя или социальной группы, мы не обвиняем их в сознательном обмане – мы описываем **структуру их перспективы**. Это дескриптивный, а не нормативный акт. Именно это разграничение лежит в основе перехода от «обвинения в лжи» к «картографированию координат»: концепция координат объективности в части III данной монографии является по сути аналитическим применением тотальной идеологии Мангейма к конкретным практикам медиа и политики.

Тезис третий: динамический синтез как путь к расширенной объективности. Если невозможна нейтральная позиция «вне», а каждая перспектива частична – то путь к расширению объективности состоит в **систематическом сопоставлении перспектив** и поиске синтеза, который не устраняет ни одну из них, но обнаруживает их взаимодополнительность. Мангейм называет это «динамическим синтезом» (*dynamic synthesis*). Он не претендует на полноту или окончательность – это **исторически обусловленный, пересматриваемый синтез**, более полный, чем каждая из входящих в него перспектив, но не претендующий на роль абсолютной истины. Это принципиально для Метафизики удержания: синтез – не закрытое суждение, а удержанная открытость более широкого горизонта.

Свободно парящая интеллигенция: попытка реше-

ния и её критика

Предложенный Мангеймом ответ на вопрос о субъекте динамического синтеза является одновременно наиболее амбициозным и наиболее уязвимым элементом его системы. Мангейм вводит понятие **freischwebende Intelligenz** – «свободно парящей», или «социально непривязанной», интеллигенции. Это относительно бесклассовый страт интеллектуалов, которые – в силу особой природы своего образования и вовлечённости в множественные культурные традиции – способны занимать позицию, относительно менее детерминированную конкретным классовым или групповым интересом, и тем самым производить **более синтетическое** знание.

Критика этой конструкции была немедленной и масштабной. Бурдьё охарактеризовал «свободно парящего интеллектуала» как «своеобразную фантазию о социальном полёте, являющуюся историческим субститутот претензии на абсолютное знание». Аргумент убедителен: Мангейм не устранил проблему позиционированности – он просто постулировал социальный страт, в котором она предположительно менее остра, не объяснив, на каком основании это возможно после того, как он сам установил всеобщность перспективизма. Позднейшие исследователи (Леппениес, Коузер) также указали: академические интеллектуалы имеют свои собственные институциональные интересы, профессиональ-

ные нормы и социальные позиции – они не «парят», они просто находятся в другом, более артикулированном типе ангажированности.

Сам Мангейм в поздних работах фактически ревизировал эту позицию. В «Планировании для свободы» он переключился с «медиатора перспектив» на «социального терапевта» – то есть фактически принял, что интеллектual является *engaged* актором, а не надклассовым синтезатором. Это признание открывает возможность более честной теоретической рамки: не «свободно парящий», а **рефлексивно ангажированный** – тот, кто производит знание из определённой позиции и одновременно **прозрачен в отношении этой позиции**.

Реляционизм как методологический инструмент: что это означает операционально

Независимо от дискуссий о статусе свободно парящей интеллигенции, методологическая конструкция реляционизма Мангейма сохраняет полную аналитическую силу и является непосредственным предшественником концепции координат объективности. Её операциональное содержание следующее.

Каждое суждение – политика, журналиста, эксперта – должно рассматриваться как функция двух компонентов: (1) **социально-исторической позиции** его производителя (класс, профессия, поколение, институциональные зави-

симости, национальная и культурная принадлежность) и (2) **перспективы**, структурирующей восприятие из этой позиции (какие явления видимы, какие невидимы; какие категории первичны, какие отсутствуют; какие проблемные рамки доступны). Понять суждение – значит понять его как **функцию этих двух компонентов**, а не как изолированное высказывание о реальности, истинное или ложное само по себе.

Это не ведёт к выводу «суждение N ложно, потому что производитель занимает позицию X». Это ведёт к выводу: «суждение N является релевантным, значимым и, возможно, продуктивным **внутри своей перспективы** – и его пределы, то есть то, чего эта перспектива не видит, становятся видимы при сопоставлении с иными перспективами». Именно поэтому Мангейм настаивает: «каждая идеология ограничена перспективой, подлежит коррекции – и тем не менее продуктивна в производстве знания». Ограниченность перспективы – не повод её отвергнуть. Это повод её **картографировать**.

Мангейм и стандартные нормы журналистской «объективности»

Из реляционизма вытекает разрушительное следствие для нормативной концепции журналистской «объективности», сформулированной Липпманом и встроенной в стандарты профессионального репортажа XX века. Липпман различал

«объективность метода» и «субъективность репортёра» – и призывал к методологической дисциплине, устраняющей влияние второго на первую. Мангейм делает невозможным само это различие: метод – тоже позиция. Выбор, что считать «фактом», как его отбирать, что является «значимым контекстом», а что «нерелевантной деталью», – всё это структурировано перспективой производителя, которую методологическая дисциплина может осознать и сделать прозрачной, но не устранить.

Это не означает, что профессиональные стандарты бессмысленны – они значимо ограничивают произвол. Это означает, что они производят не нейтральность, а **структурированную ангажированность**, форма которой определяется нормами конкретного профессионального поля, его институциональными зависимостями и историческим моментом. Именно поэтому концепция координат объективности, разрабатываемая в части III, не требует нейтральности – она требует **рефлексивной прозрачности**: картографирования позиции и её детерминант как явного, а не скрытого параметра оценки суждений агента.

Мангейм и Метафизика удержания: конвергенция двух систем

Система Мангейма и Метафизика удержания конвергируют в ключевом концептуальном пункте, хотя разрабатываются в принципиально разных теоретических регистрах.

Мангейм устанавливает: знание всегда перспективно, позиция неустраима, но прозрачность позиции является условием более широкой объективности. Метафизика удержания устанавливает: промежуток является продуктивным онтологическим пространством; принудительное закрытие – в том числе закрытие под видом нейтральной «объективности» – является онтологическим насилием над этим пространством. Синтез этих двух систем даёт следующую операциональную норму: **честная перспективность** – это позиция, которая (а) знает о своей перспективности, (б) прозрачна в отношении детерминант этой перспективы и (в) именно поэтому **не закрывает промежуток**, а маркирует его как пространство, в котором иные перспективы остаются релевантными.

Это принципиально отличается как от нейтральности (которая скрывает перспективу под видом её отсутствия), так и от необузданной ангажированности (которая закрывает промежуток, настаивая на единственности своей перспективы). Именно эту позицию – **рефлексивно ангажированного, картографически прозрачного голоса** – описывает следующий параграф в терминах Донны Харауэй, а затем часть III разворачивает операционально как систему координат объективности.

§3.2. Донна Харауэй: ситуированное знание и парадокс «взгляда ниоткуда»

Предыдущий параграф установил, что реляционизм Мангейма является теоретической основой для понимания неустранимой позиционированности всякого знания – и что эта позиционированность не является пороком, а является **условием** производства знания. Донна Харауэй, работая в традиции феминистской эпистемологии и философии науки, предложила аргумент, который в нескольких отношениях радикализирует и операционализирует мангеймовский реляционизм. «Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective» (1988) – один из наиболее цитируемых философских текстов второй половины XX века (по данным Google Scholar – более 38 000 цитирований) – формулирует позицию, ставшую эпистемологическим основанием всей программы данной монографии: **только частичная перспектива обещает объективное видение.**

Исходный парадокс: метафора зрения как эпистемологический ключ

Харауэй организует свой аргумент вокруг метафоры **зрения** – не случайно: именно зрение в западной культуре является доминирующей метафорой познания («теория» – от греческого *theorein*, «смотреть»; «точка зрения», «взгляд»). Визуальная метафора несёт в себе специфическую структуру: она предполагает наблюдателя, объект наблюдения и – критически – **позицию наблюдателя.**

Традиционная эпистемология, от Декарта до позитивизма, сделала принципиальную ставку на **устранение позиции** как условие объективности. Метод должен работать так, чтобы личность, пол, класс, национальность, историческая эпоха наблюдателя не влияли на результат. Идеал – «взгляд ниоткуда», наблюдатель без тела, без истории, без позиции. Именно этот идеал Харауэй атакует с первых строк эссе – и именно называет его «бог-трюком» (*god-trick*).

Харауэй пишет прямо: *«Релятивизм и тотализация – оба суть „бог-трюки“, обещающие видение отовсюду и ниоткуда одновременно и в равной мере»*. Это двойная характеристика – потому что, как будет показано, речь идёт о **двух формах одного и того же жеста**.

Первый «бог-трюк»: тотализация

Первая форма бог-трюка – то, что Харауэй называет **тотализацией** – претензия на «взгляд ниоткуда» (*view from nowhere*), на всеобщее, бестелесное, трансцендентное знание. Это та самая «объективность», которую репрезентирует Наука с заглавной буквы – нейтральный наблюдатель, лишённый субъективности, описывающий реальность «как она есть» вне зависимости от своей позиции.

Харауэй описывает эту претензию следующим образом: это *«завоевательный взгляд ниоткуда»* (*conquering gaze from nowhere*), который претендует быть бесплотным и при этом материализующим – «видеть, оставаясь невидимым, пред-

ставлять, ускользая от представления». И здесь – центральный тезис Харауэй: эта претензия не является нейтральной. Она является **специфической, конкретной, исторически и социально локализованной** позицией – позицией *«Человека, Белого, Одного Бога, чей Глаз производит, присваивает и упорядочивает всё различие»*. Нейтральность «взгляда ниоткуда» – это **маскировка** конкретной перспективы под универсальную.

Следствие для данной монографии принципиально: журналист, политик или эксперт, утверждающий «я просто излагаю факты», «у меня нет позиции», «это объективный анализ», – не становится тем самым нейтральным. Он совершает **тотализирующий жест**: скрывает конкретную позицию под претензией на её отсутствие, лишая аудиторию возможности картографировать её ограничения. В терминах Метафизики удержания: он закрывает промежуток между своей позицией и иными, делая его невидимым – и тем самым совершает наиболее изощрённое принудительное закрытие промежутка.

Второй «бог-трюк»: релятивизм как его зеркальный двойник

Харауэй настаивает: альтернативой тотализации является не релятивизм – и здесь её тезис является наиболее контринтуитивным и принципиально важным.

«Релятивизм – это способ быть нигде, претендуя быть

везде одновременно». Эта формулировка требует развёртки. Релятивизм утверждает: поскольку все позиции исторически и социально обусловлены, никакая из них не имеет привилегированного статуса; всякое знание «верно для данной позиции» и не более. Это кажется противоположностью тотализации – скромная позиция вместо претензии на абсолютную истину. Однако Харауэй показывает: структура обеих позиций **идентична**.

Тотализация говорит: «Я вижу всё из точки, которая не является точкой». Релятивизм говорит: «Все видят одинаково мало из точек, которые равноценны». Обе позиции **устраняют конкретность локации** – только тотализация делает это через претензию на надлокальность, а релятивизм – через утверждение равноценной бессильности всех локаций. В обоих случаях конкретная ответственная позиция – «я вижу из этого места, с этими ограничениями, и именно поэтому могу видеть то, чего не видно из другого места» – **исчезает**.

Харауэй формулирует критический критерий: «*Ответственность означает способность быть призванным к ответу. Знание, которое не может быть локализовано, является безответственным знанием*». Релятивизм, объявляющий все позиции равноценными, делает невозможным предъявить к ним требование: ты видишь мир из этого места – покажи, что отсюда видно, а что не видно. Именно это требование является операциональным ядром концеп-

ции координат объективности.

Архитектура ситуированного знания

Позитивная программа Харауэй, известная как *situated knowledges* – ситуированное знание, – строится на трёх взаимосвязанных принципах.

Первый принцип: воплощённость (*embodiment*). Знание производится **телесно**: наблюдатель имеет тело, находящееся в конкретном месте в конкретный момент – и это определяет, что видимо и что невидимо. Абстракция от тела не производит нейтральность – она производит **специфический вид слепоты**: слепоту к тому, что невидимо именно из этого воплощённого места. Объективность не достигается де-воплощением – она достигается **рефлексией об ограничениях конкретного воплощения**.

Второй принцип: локация как ресурс, а не ограничение. Харауэй совершает принципиальный концептуальный переворот: частичная перспектива – это не недостаток, который нужно преодолеть. Это **эпистемический ресурс**: *«только частичная перспектива обещает объективное видение»*. Именно потому, что ты видишь из конкретного места, ты видишь некоторые вещи с недостижимой для тотализирующего «взгляда ниоткуда» точностью и детальностью. Видение с периферии обнаруживает то, что центральная позиция структурно не может заметить.

Третий принцип: частичное соединение без тотал-

лизации (*partial connection without totalization*). Поскольку каждое ситуированное знание частично, более широкое знание производится через **сопоставление частичных перспектив без их поглощения** одна другой. Харауэй описывает это как «создание сетей связей» (*webs of connections*). не синтез в гегелевском смысле снятия противоположностей, а **диалог позиций, сохраняющих свою конкретность**. Это принципиальный момент: объективность достигается не устранением частичностей, а их **совместным рассмотрением при сохранении каждой из них**.

«Мятежная объективность»: не нейтральность, а ответственность

Харауэй предлагает переопределить само понятие объективности. Традиционная объективность = нейтральность = устранение позиции. Феминистская объективность Харауэй = **ответственность за позицию + прозрачность её ограничений**.

Она формулирует это прямо: «*Феминистская объективность – это знание об ограниченном месте и ситуированном знании, а не о трансцендентности и расщеплении субъекта и объекта. Она позволяет нам стать ответственными за то, что мы учимся видеть*». «Ответственными за то, что мы учимся видеть» – это не просто нормативный призыв. Это **операциональное требование**: агент производства знания должен быть способен объяснить, почему из его

позиции видно именно это, а не иное; что из его позиции не видно; какие зависимости определяют его перспективу.

Именно это делает позицию **призываемой к ответу** (*accountable*) – и только призываемая к ответу позиция может претендовать на статус эпистемически серьёзной. Позиция, скрывающая свою локацию под претензией на нейтральность, является, в строгом смысле Харауэй, **безответственной** – то есть лишённой эпистемического статуса, поскольку она не может быть проверена, оспорена или скорректирована.

Критика и пределы: какая частичная перспектива не подходит

Харауэй принципиально оговаривает: *«не любая частичная перспектива подойдёт»*. Это существенная оговорка, которую нередко игнорируют интерпретаторы, усматривающие в её позиции скрытый релятивизм.

Некоторые частичные перспективы обладают **эпистемическим преимуществом** перед другими – не потому что они «правильнее» в абсолютном смысле, а потому что из них видимо то, что структурно невидимо из привилегированных позиций. Харауэй указывает на «взгляд с низа» (*vision from below*) как на потенциально более богатый источник объективного понимания: тот, кого система не замечает, видит систему в целом лучше, чем тот, кто находится в её центре и воспринимает её как «нейтральный» фон.

Но и здесь Харауэй оговаривается против романтизации: позиция угнетённых не является автоматически более истинной просто в силу своей маргинальности. Речь идёт о **структурных условиях видения**: некоторые позиции предоставляют более широкий угол обзора для определённых явлений – и именно поэтому, при рефлексивной прозрачности и ответственности, более продуктивны для их понимания.

Харауэй, Мангейм и Метафизика удержания: трёх-уровневый синтез

На этом этапе монография располагает тремя концептуальными системами, конвергирующими к единому операциональному выводу.

Мангейм устанавливает: знание всегда реляционально; позиция неустранима; прозрачность позиции является условием более широкой объективности; «тотальная идеология» – аналитический инструмент, а не обвинение.

Харауэй уточняет и радикализирует: претензия на нейтральность является **худшей формой ангажированности**, поскольку скрывает конкретную позицию под видом её отсутствия; объективность достигается не устранением позиции, а рефлексивной ответственностью за неё; только частичная перспектива производит реальное знание.

Метафизика удержания добавляет онтологическое измерение: скрытая позиция является формой принудительно-

го закрытия промежутка, потому что она делает невидимой ту дистанцию между позициями, которая и является пространством возможного диалога. Прозрачная, локализованная, ответственная позиция **удерживает промежуток открытым**: она не устраняет различие между собой и иными позициями, а делает его картографируемым – и тем самым сохраняет возможность их продуктивного сопоставления.

Операциональный вывод из этого синтеза, который будет развёрнут в части III, состоит в следующем. Инструмент координат объективности не требует от журналиста или политика «избавиться от ангажированности» – это невозможно и нежелательно. Он требует **картографической честности**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.